П.349
П 29
34

ПИОНЕР

5-6

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда". 1935

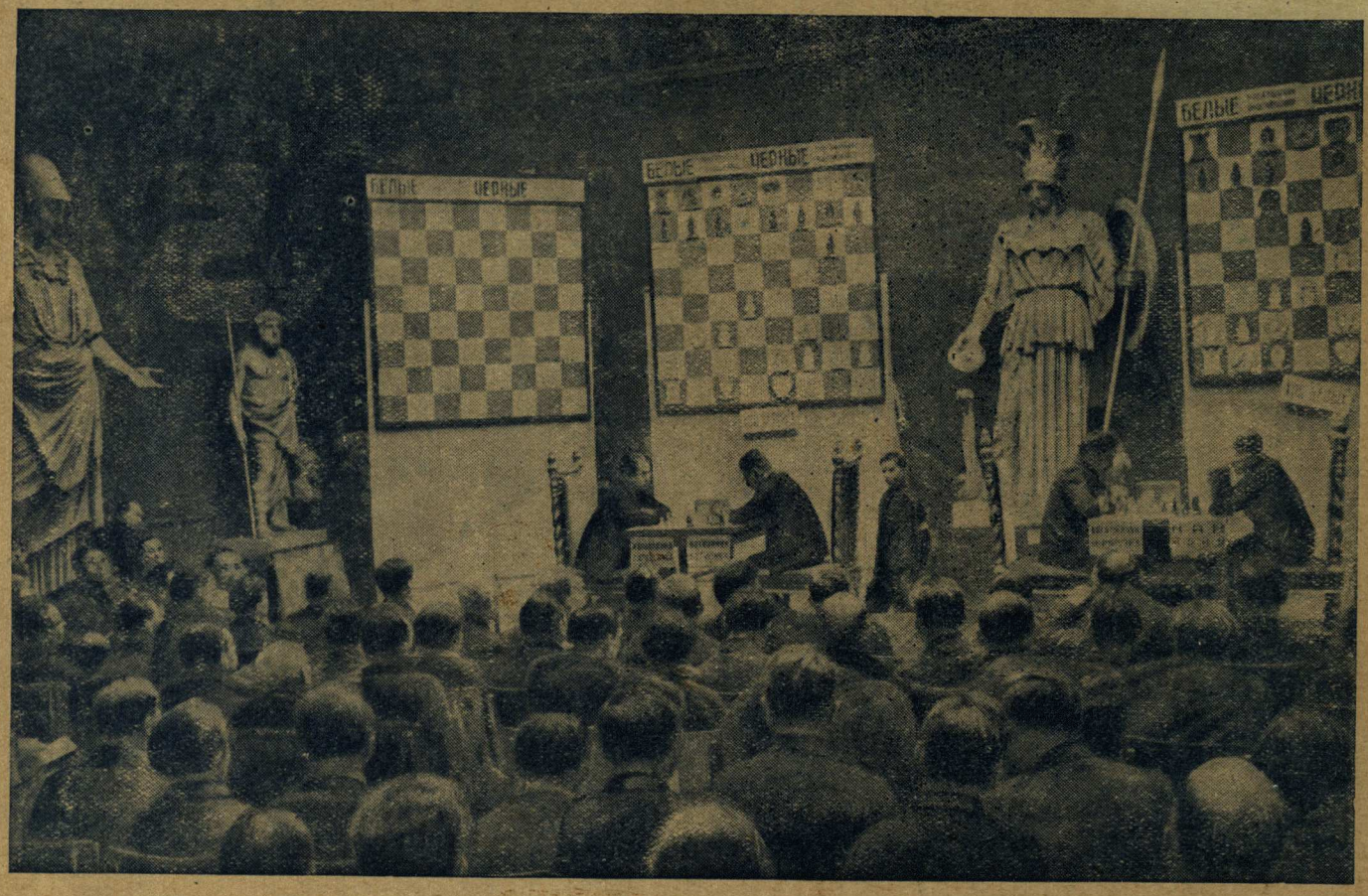
К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 5-6

Март 1935

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76



Один из зал Музея изобразительных искусств, где происходил Международный шахматный турнир.

ШАХМАТЫ

С. М. Шпрехер

Шахматы впервые появились в Индии в III веке до нашего летоисчисления, т. е. 2200 с лишним лет назад. И назывались они тогда не шахматами, а «шатрандж». Название это происходит от индийского слова «чатур-анга», что значит «четырехсоставный». А что значит «четырехсоставный»? И почему они так назывались? А вот почему.

В те времена деление шахматных фигур точно соответствовало делению индийского войска, которое состояло из четырех частей: из пехотинцев (пешки), всадников (кони), боевых колесниц (офицеры) и тяжелых слонов (туры, ладьи). Войском управляли шах (король) и визирь (физирь или ферзь).

Ходы шахматных фигур тоже соответствовали движению войск. Неограниченный властелин—шах (король) — ходил по шахматному полю по всем направлениям, а его визирь (ферзь) — только на одно поле вкось, так как, по восточным понятиям, визирь не мог своей силой равняться с шахом.

Остальные фигуры ходили почти так же, как и сейчас. Боевые колесницы (офицеры) мчались по диагоналям через одно поле, ретивые кони скакали зигзагами, тяжелые слоны (туры), сокрушая все на своем пути, шли напрямик, а пехотинцы (пешки) медленно подвигались вперед с поля на поле.

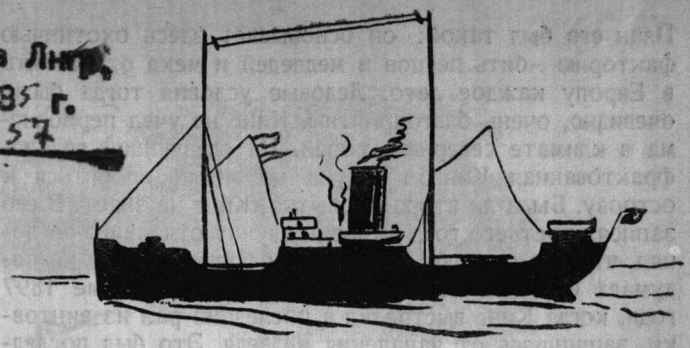
Расположение шахматных фигур на доске тоже точно соответствовало боевому строю индийского войска. Впереди стояли пехотинцы (пешки), по бокам—тяжелые слоны (туры), потом — всадники (кони), боевые колесницы (офицеры) и в середине — шах (король) и его визирь (ферзь).

Таким образом, в Индии шахма-

(Продолжение на 3-й стр. обложки)

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1935 г.
Акт. № 57

Король Кинг



Сергей Григорьев

●

В августе 1932 года «Русанов» доставил в шхеры острова Трех медведей экспедицию под начальством Анны Некс. Остров считался необитаемым, а на карту он был нанесен под знаком вопроса по туманным рассказам наших поморов.

Поднимая флаг Советов на острове, Анна Некс считала, что это первый флаг, который развевается на вновь открытой земле.

Прошла первая зимовка.

Однажды Анна возвращалась с разведки. В ясном небе сияла полная январская луна. Упряжка быстро бежала по крепкому, звонкому снегу. Вдруг собаки убавили ход и круто свернули. Анна едва удержалась на санях и схватилась за винтовку, ожидая медведей. Ничего не было видно. Собаки остановились. Вожак понюхал след и залаял. Его лай подхватили остальные псы. Анна осмотрелась и увидела, что ее нарты пересекли санный след. Это мог быть старый след от ее саней. Нет, Анна сразу увидела, что пересечение санных следов образовало на снегу не ромб, а параллелограм.

— Ясно! На острове есть другие сани и, значит, люди кроме нас. Отлично. Кто ж они?

Анна пустила свою упряжку по чужому следу. Собаки побежали рьяно, держась следа саней. Описав дугу, след повернул к югу. Впереди, под горой, засветились окна станции. Оттуда донесся лай чужих псов.

— Ага! У нас гости. Чудно, хоть и чудно́.

Устроив собак на ночь, Анна вошла в дом. Репродуктор кричал, когда она отворила дверь: «Proletarier aller Länder vereinigt euch!»

●

Первое, что увидала Анна,—это сияющее лицо мальчишки с узкими черточками блестящих глаз. Он, откинув с головы капюшон малицы, приложил ухо к самому раструбу «рекорда» и блаженно слушал гремящую речь Москвы.

Второй гость сидел в важной позе на табуретке и держал меж колен винтовку. Анне сразу бросилось в глаза, что оружие заржавлено, словно долго пролежало в земле.

— Здравствуйте! — нерешительно поздоровалась Анна.

Гость важно кивнул головой и что-то невнятно пробормотал.

— Эскимос... Неразговорчивый, — сказал повар Грамотеев, — однако можно понять, считает себя как бы царем здешнего острова.

Анна пробовала заговаривать с гостем по-английски, по-французски, по-русски — гость на все согласно кивал головой и отрывисто бормотал непонятные слова и смотрел ласково. Он был очень стар.

На столе стояли полные стаканы чаю: Грамотеев в ожидании Анны угощал гостей...

— Прошу,— смущенно указала Анна на стаканы, садясь за стол.

Репродуктор смолк. Мальчишка пересел на табурет напротив Анны и, приложив руку к груди, назвал себя:

— Темю.

— Этот будет поскладнее,— заметил Грамотеев.— Давал ему сахару: три куска сгрыз, да и кило с'ест, одним словом...

— Где ты живешь, Темю? — спросила Анна, указывая на стены и, прислонив в щеке ладонь, закрыла глаза.— Где спишь?

Мальчишка понял, махнул куда-то к северу и, схватив Анну за руку, потянул ее к двери, что-то быстро лопоча. Анне показалось, что она слышит среди незнакомых слов и русские и английские.

Король острова сердито прикрикнул на мальчишку, стукнув о пол прикладом. Темю с'ежился и смолк. Король буркнул:

— Кинг! — и показал рукой, что опрокинул в рот стаканчик...

— Ага! Вот это он понимает,— радостно воскликнул Грамотеев.— Ну, еще из парня толк может быть!

Кинг указал на стакан и просительно уставился ласковым взглядом в глаза Анны...

— Нет, — сурово отрезала Анна.

●

Кинг вздохнул, достал из-за пазухи пачку старых исписанных листков, положил их на стол и, приложив палец ко лбу, покачал головой...

— Только одну выпивку понимает парень, — заметил Грамотеев.

Кинг собрался уходить и позвал Темю.

— На уж! — сердито ответил тот и, показывая на «рекорд», на стены, на тарелку с сахаром, непонятными, но ясными по смыслу словами заявил, что он остается здесь.

— Что ж, оставайся, — решила Анна. — Поговорим побольше, может быть, поймем друг друга. И дорогу нам к себе укажешь...

Кинг уехал один. Анна попробовала развернуть листки, оставленные Кингом. Это было трудно: бумага рассыпалась в труху. Выцветшие строки трудно было разобрать. Язык английский.

●

Через три месяца после посещения зимовки королем Кингом Анна записала в своем дневнике:

«Мы отдали визит королю Кингу. Это жалкий старик: ему не менее 70 лет. У него три жены: старая Менгэ, вторая Лутма и последняя — почти девочка — Ойяш. По истлевшим обрывкам его дневника мы восстановили кое-как историю этого, когда-то отважного моряка. Сорок лет назад он высадился на остров Трех медведей. С ним высадилось пять эскимосских семей, вывезенных Кингом из Гренландии. В свое предприятие Кинг — родом норвежец — вложил все состояние.

План его был такой: он основывает здесь охотничью факторию—бить песцов и медведей и меха отправлять в Европу каждое лето. Ледовые условия тогда были, очевидно, очень благоприятны. Кинг не учел периодизма в климате северных морей. На следующий год зафрактованная Кингом шхуна не могла пробиться к острову. Была ли вторая попытка, Кинг не знает. В его записях третьего года зимовки звучит отчаяние: он понял, что его считают погибшим и больше никто не подумает его искать. Записи обрываются на зиме 1897 года, когда Кинг выстрелил в последний раз из винтовки, защищаясь от нападения медведя. Это был последний патрон. С тех пор начинается обратный ход культуры. Кинг постепенно забывает все. Когда он приехал к нам, то помнил только, что когда-то пил спирт, умел писать и стрелял из ружья. Я убедилась, что он не может читать своих собственных записок. Когда я выстрелила из винтовки, все пришли в ужас, а он был потрясен, плакал и хотел отнять у меня ружье, сердясь как ребенок.

Племя его состоит теперь из 92 человек (из них 7 взрослых мужчин, 21 женщина и 64 ребят в возрасте до 14 лет). Жен они зовут «матерями», девушек и девчонок — «сестрами».

Их жилье полуподземное—почти жилище троглодитов.

Язык их состоит из нескольких десятков европейских слов и двух сотен своих, надо полагать, эскимосских.

Они нас выследили давно, но Кинг запретил своим подданным приближаться к нашей зимовке.

Я пыталась выяснить, как мог Кинг так долго сохранить свою неограниченную власть. Насколько мы могли понять, он их держал и держит в подчинении столько лет мечтой, что корабль когда-нибудь придет и они вернутся на родину.

Увы! Наш репродуктор замолк: цинк кончился. Иванов принимает только искровые станции на детектор. Последняя связь наша с Москвой стала ненадежной».

●

Темю и Анна на ветру стояли около мачты, над уступом к морю. Ветер был свежий. Флаги поднятого на мачте сигнала щелкали порой подобно выстрелам из револьвера. Сигнал не менялся уж третьи сутки и гласил одно своей цветной дугой:

— Готовы.

Черный ледокол средь льдов казался черным жуком, попавшим в миску с молоком. Казалось, что этот жучок беспомощно барахтается в молоке, но по дыму трубы было видно, что «Сибиряков» форсирует все свои котлы и рвется к острову Трех медведей.

Ветер был оттуда, и порой в льдистом ветре ясно чувствовался волнующий запах дыма—дыма дальних странствий, приключений, бурных тревог и несбыточных надежд!

Анна жадно вдыхала запах каменноугольного дыма.

Запах дыма все яснее — значит ледокол все ближе. Медвежонок Лай-лай недовольно фыркает, жалобно ревет, натягивает цепочку и тянет Темю назад...

Руки Анны устали от тяжелого бинокля...

— Что? Ближе? Идет? Дай посмотреть,— просит Темю...

Анна отдает Темю бинокль, перенимая у него цепочку. Темю целился биноклем в то место, где бьется с торосами ледокол... и ничего Темю не видит, только ворошатся льды.

— Ушел? — испуганно отводит Темю бинокль от глаз. Но нет, вот он и черное пятно дыма среди белых льдов...

— Возьми. Плох!—пренебрежительно говорит Темю, отдавая бинокль.

Анна поворачивается и идет к дому. Ветер ее гонит. За ней поспевает Темю с Лай-лаем. У дверей дома Анну встречают «матери» и «сестры». Они пришли провожать Анну. Но сам Кинг и никто из мужчин не явились... Анна быстро проходит мимо женщин в дом. «Матери» и «сестры» шепчутся.

— Я ей скажу все,— сказала Ойяш.

— Тебя задушит король. Молчи!

В доме заканчивали укладываться. Весело перекоряясь, Иванов, Грамотеев и Чумаков забивали ящики и перетягивали их веревками. Когда Анна вошла в дом, Грамотеев взглянул ей в лицо и тихо свистнул.

Анна села за стол и закрыла лицо руками:

— Ледокол уходит. Он и теперь не пробьется. Нет никакой надежды. Нам придется зимовать еще раз.

Они бросили работу. Грамотеев сел на ящик и спросил:

— Никак в этом ящике кастрюли?

— Чего еще «кастрюли»? Зимовать, а он: «кастрюли».

— Ну да. Зимовать. Должен я готовить ужин или нет?

Все засмеялись. Анна встала и встряхнулась.

●

В дом вбежал Темю, за ним, гремя цепочкой, медвежонок.

— Анна! Анна! Он близко! Близко совсем. Он кидает огонь... Вот так!

Он держал в руках обожженную палку от ракеты последнего фейерверка, сожженного зимой.

— Скорей!

Все выбежали наружу. У мачты стояли «матери» и «сестры» и оживленно лопотали. Смеркалось. Ветер перешел в шторм и раскачивал мачту. Сигнал сорвало. Ледокол виднелся не более чем в пятистах метрах от торосистого припая. Наискосок к берегу, вправо к бухте Коминтерна, протянулась черная трещина разводья, словно сделанная тушью на белой бумаге,— это была брешь, пробитая тараном ледокола.

Сверху спускался белым облаком туман. Одним взглядом Анна оценила положение и поняла, что надежды напрасны. Черная черта разводья сомкнулась. Попрежнему между ледоколом и берегом было поле ворошащихся торосов: угловатые, бестолковые волны льда вставали и рушились.

Эта каша, в которой каждая крупинка — айсберг, смыкающаяся тотчас за кормой ледокола,—неодолимое для него препятствие: она лишает корабль возможности отхода назад и разбега для удара.

Ледокол бросил ракету. Прочертив красную дугу, ракета упала, не достигнув берега метров на сто. Корабль, продолжая подвигаться к берегу, бросил одну за другой еще три ракеты...

— Зачем это он? — спросил Грамотеев, недоумевая...

— Я думаю,— ответила Анна,— он пробует, нельзя ли подать сюда конец спасательной ракетой...

— Значит, нас туда по веревочке... Ха-ха-ха!—рассмеялся радист Иванов.— Хорошенький способ связи!

— Н-да...—вздохнул Грамотеев.—В нашем положении не то что веревочку—соломинку подай, все ухватимся.

Они стояли и ждали над уступом. Через полчаса стало очевидно, что ледокол пробирался вперед только для того, чтобы «растуриться» среди торосов: он показал берегу правый борт, около первой трубы взвился султан пара, и прощальным аккордом прозвучал трехтонный гудок ледокола. Он уходил.

Темю и Анна стояли около мачты, над уступом к морю.

— До свиданья! — крикнул вслед ледоколу Грамотеев.— До будущего лета! Товарищ начальник, пойдемте кушать. Я кое-что спрятал на всякий случай.

— Подите, вечно вы со своей едой... Посмотрим, чем вы будете нас кормить через полгода.

— Эва! Да я вам такой бифштекс из моржа на чистом медвежьем сале приготовлю...

Ледокол уходил от острова так медленно, что можно было простоять три-четыре часа и все еще можно было видеть среди белых льдов черное пятно.

Около Анны остался только Темю, неразлучный с Лай-лаем. Анна повернула к дому.

Она глубоко вздохнула, но в ледяном ветре больше не пахло сладким дымом каменного угля. Темю спустил с цепочки Лай-лая, дал ему понюхать палку и кинул. Медвежонок побежал и принес палку.

— Смотри, Анна! Я его учил!

Анна взглянула рассеянно и вошла в дом. Темю огорченно вздохнул, взял медвежонка на цепочку и повел туда же.

Через некоторое время с палкой от ракеты в руке и с Лай-лаем на цепочке Темю вышел из дому. Ветер утихал, и небо прояснилось. Прыгая с камня на камень, Темю с Лай-лаем спустились к морю.

Ледяные волны утихают быстрее чем волнение открытой воды. Льды еще ворошились, но уже не вставали грузными, грозными гребнями. Темю взбежал на льдину, спустил Лай-лая, дал ему понюхать палку от ракеты и кинул ее как можно дальше на лед. Лай-лай ковыляя побежал вперед. Темю пустился за ним.

●

В доме продолжали обсуждать «создавшееся положение».

— Некоторые товарищи,— язвительно говорил повар Грамотеев,— поддаются панике и подают дурной пример грустных настроений, сомневаясь в достижениях полярного кулинарного искусства. Однако если человек с планом: вот горит на столе примус и закипает чайник. Одним словом, панике не должно быть места, ежели тут люди не умирали по сорок лет.

Метеоролог Чумаков возразил:

— Так-то так, Андрюша, а что ты говорил: почему король Кинг выжил? Один старик, а кругом молодые?.. А?

— Да ведь это только замечание мое; а ел или нет он своих подданных, кто знает? Кости, конечно, собаки растащили.

— Фу,— возмутилась Анна.— Довольно шуток товарищи! Кто еще знает, что задумает этот старый дурак...

— Стукнуть его, одним словом,— заметил Грамотеев.— А то в Москве нас спросят: а почему вы, голубчики, не свергли там самодержавие? А?

— Самое плохое—то, что у нас не будет всю зиму связи с Москвой... Ничего нельзя сделать, Вася?—обратилась Анна к радисту.

— Сделать-то можно. Соберу все барахло, вытоплю цинк, отолью электроды; вместо электролита, авось, морская вода сгодится... Ну, акуратно будем принимать на две лампы.

— На чем это ты будешь варить? Ты думаешь, я запустил примус и пою вас чаем, так и целый год так будет?

— А я на угольке...

Дверь стукнула. Все оглянулись. Вошла и стала у порога Ойяш, младшая жена короля Кинга.

— А, принцесса, что стала у порога? Садись!..

Грамотеев пододвинул табурет...

— Нет! Тебе одной, Большая Анна,— ответила Ойяш.

Анна и Ойяш ушли в соседнюю комнату и затворились. Оттуда послышался торопливый говор Ойяш. И вдруг обе женщины захохотали.

— Товарищи, поздравьте, поздравьте меня! — сквозь смех говорила Анна.— Король Кинг мне делает предложение: стать его женой. Сейчас его величество пожалует сюда сам...

Ойяш хохотала и, указывая на Анну, лепетала:

— Ха-ха-ха! Старуха Менгэ ему сказала: «Она женщина, возьми ее себе в жены».

Ойяш кинулась из дому. На пороге она столкнулась с королем Кингом. Вместе с ним вошли и наполнили комнату его подданные, только мужчины. Женщин не было ни одной.

— Это он! — кричали все «сестры». Они хохотали, зажимая руки меж колен.— Это Кинг! Что ты будешь делать с ним, Анна?

— Отойдите. Я покажу вам, как надо бить в цель. Смотри, Ойяш.

Анна приложилась и выстрелила.

— Попала! Ты убила его!

— Попробуй, Ойяш, сама.

— Нет, я боюсь. Ты его уже убила, Анна. Я боюсь.

— Чего? Только приложи винтовку к плечу плотнее. Вот так! Палец на спуск. Зачем же ты закрыла оба глаза? Бери его на мушку. Ну, тяни спуск.

Выстрел грянул. Ойяш взвигнула и чуть не выронила из рук ружья.

— Мимо!

— Ты его уже убила, Анна. Вот он идет с воинами сам. Посмотри, Анна: он мертвый.

Срок ультиматума, данный Кингом, истек. Он во главе войска осторожно приближался к стрелкам со своей никуда негодной винтовкой. Воины его держали луки и копья наготове.

— Стой, Кинг! — крикнула Анна. — Брось эти игрушки!

Кинг что-то приказал своим воинам. Они опустили оружие.

— Ты согласна? — спросил Кинг, приближаясь к Анне.— Дай ружье.

— Погоди. Оружия я тебе не дам. Вот я при всех отдаю ружье Ойяш. Ты видишь, и у этих сестер тоже ружья. Я назначила Ойяш начальницей острова. Все должны слушаться ее во всем.

Кинг расхохотался.

— А ты? А эти твои? Что ты наскажешь еще? — с насмешкой спросил Кинг.

— Мы покидаем остров. Я беру с собой Темю.

— Нет!— мотнул головой Кинг.— Ты останешься и будешь моей женой. Куда ты уйдешь? Корабля нет. Кругом много, много льда! Что ты, птица?

— Да,— ответила Анна,— прилетит большая птица, и мы все улетим.

— Скажи ему!—буркнул Кинг презрительно, ткнув пальцем в сторону Темю.

— Ясно, ты не веришь. Слушай, Кинг, если птица не прилетит, я буду твоей женой.

Ойяш рассмеялась.

— Да, ты будешь,— уверенно сказал Кинг.

— Отлично. А если птица прилетит, Кинг, ты больше не король. Ты отдашь свое ружье. Согласен, Кинг?

Кинг молча кивнул.

— Эх, папаша! Лучше бы ты погиб в честном бою, а то осрамишься перед своими бабами,— заметил Грамотеев. — Однако надо собираться: птица-то, Кинг, прилетит.

На указанной Темю площадке среди льдов разостлали посадочный знак. Сбили вокруг торчки льдин.

Вечерело. В одном кругу около знака смешались и зимовщики, и сторонники, и враги Большой Анны. Король Кинг, посмеиваясь, что-то об'яснял своим воинам, указывая то на разостланную на снегу букву Т, то на Анну. Темю подслушал и перевел:

— Большая Анна, он им говорит: ты хочешь сделать из тряпки птицу.

— Они думают, что ты колдуешь, Анна. Без драки, видно, не обойдется! — решил Грамотеев...

Анна стояла лицом к зюйдвесту[1]. Прислушивалась, не гудит ли мотор. Ничего, только чуть гудел, овевая лицо, ветерок.

Кинг подошел к Анне и крикнул задыхаясь:

— Нет! Птицы нет. Моя! Отдай!

Он властно протянул руку к винтовке. Анна отмахнулась:

— Отойди! Убью!

Кинг отошел. Круг людей около знака распался сначала на два полукружья, а потом собрались две кучки. На стороне Анны и зимовщиков остановились Ойяш, «сестры», Темю с Лай-лаем и несколько мальчишек. Там, с Кингом,—воины и «матери». Старая Менгэ, протягивая к Анне крючковатые пальцы, притопывала, кричала, плевалась... Стрела упала к ногам Анны.

— Ишь ты. Недолет!—пробурчал Грамотеев.

— Не шути. Они этими стрелами бьют медведей!

— Я и говорю, пора бросить шутки. Дай-ка я ударю, Анна.

— Погоди. Слышишь? Слышите, товарищи?

— Да это ветер воет.

— Нет, слушайте: летит...

Бурно нарастая, рев мотора смыл все звуки. Самолет, снижаясь, делал круг над площадкой. Войско короля побежало к берегу, бросая оружие, и попряталось меж камней. За войском кинулся и народ. Когда самолет сел и мотор смолк, Кинг остался один. Он стоял, весь подавшись вперед, к огромной серой птице, и, опираясь на ружье, был похож на орангутанга.

Летчик, не сходя с места, крикнул, что медлить с посадкой нельзя. Горы острова уже накрывало белым одеялом облако.

Анна приказала Темю и мальчишкам подобрать кинутые воинами Кинга копья и луки. Оружия набралось несколько охапок.

— Можно это взять с собой, товарищ?

— Можно, груз пустой,—ответил летчик.--Да куда это барахло?

— В музей. Прощай, Ойяш, прощайте, «сестры»! Держите крепче оружие в руках.

Первым посадили в машину Лай-лая. За ним вскарабкался Темю. Последним садился Грамотеев. Он подошел к Кингу и хлопнул его по плечу:

— Ну, папаша, пока! Видал советскую птичку? Эта птичка, брат, на фрикасе не годится. Смотри, не бузи тут.

Кинг вздохнул и протянул Грамотееву свое ржавое ружье.

— Ладно! Тоже в музей?—Грамотеев подал ружье Темю и сам забрался в машину.

Мотор взревел. Самолет побежал по льду и взлетел.

---

[1] Югозапад.

Король Кинг одет был как обычно, только голову его украшала старая матросская бескозырка. Видно, что этот головной убор король Кинг хранил особенно тщательно: можно было и теперь догадаться, что верх матросской шапки был когда-то ослепительно белым, а тусклые буквы на ленте тогда сверкали золотом. Однако и теперь можно было прочесть слово «Incomparable («Несравненный») — название английского корабля.

Кинг держал в руке свою заржавленную винтовку. Его воины пришли вооруженные копьями, гарпунами и самострелами.

— Что скажешь, Кинг? — спросила Анна...

Кинг начал говорить несвязно. Год назад никто его не понимал. За год он узнал и новые слова и вспомнил много старых. Смысл его путаной и как будто расслабленной речи был однако суров и ясен. Корабль не придет. Кинг требует выдачи ему всего оружия и боевых припасов. Он знает, что у зимовщиков было восемь винтовок, четыре дробовика и четыре револьвера — оружия хватит на всех его воинов. Он берет себе в жены Анну. И занимает с воинами весь дом.

— А эти могут идти туда,— закончил Кинг, указывая на Чумакова, Иванова и Грамотеева.

В это мгновенье, растолкав воинов, в комнату вбежал с Лай-лаем на цепочке Темю.

— Вот! Вот! — кричал Темю, тыча в руки Анны ракету. — Это достал Лай-лай! Смотри!

Темю указал Анне на конец ракетного хвоста: палка на конце была акуратно обмотана промасленной бумагой и туго обвязана... Взрезав бичевку, Анна размотала бумагу. Под ней, вокруг палки, была намотана записка. Лицо Анны радостно вспыхнуло. Она протянула записку товарищам и, обратясь к Кингу, сказала:

— Нам надо обсудить и обдумать твое предложение, Кинг. Какой срок ты нам даешь?

— Завтра утром,— стукнув о пол прикладом винтовки, сурово отрезал Кинг.

— Хорошо. Пришли Ойяш и пусть она приведет с собой четырех «сестер».— Я хочу с ними поговорить... А теперь ступайте вон!

Король со свитой удалились...

— Что писал? Что писал? Читай, что ледокол писал?—теребил Анну Темю, заглядывая в записку.

Анна прочла вслух.

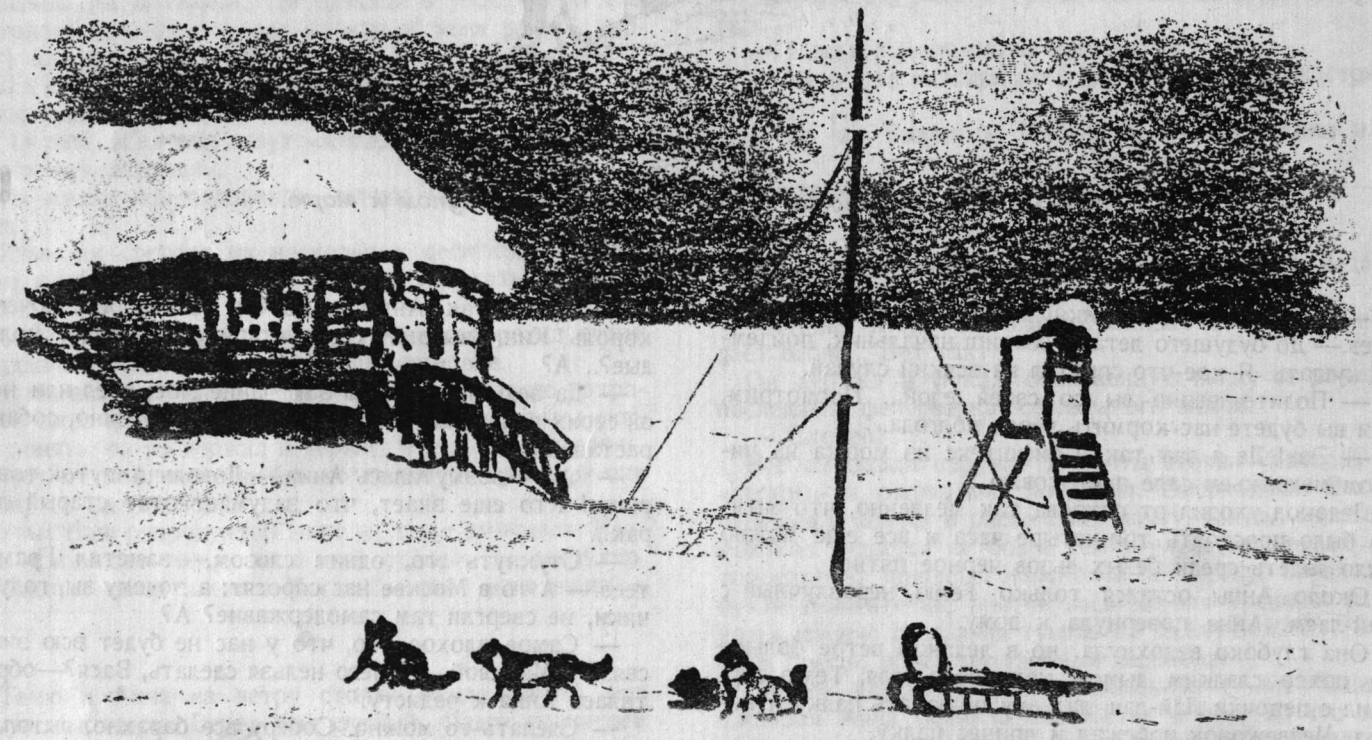
«Командир ледокола «Сибиряков» начальнику зимовки Анне Некс. Товарищ! Пробиться к острову не могли. Уходим на Челюскин. По радио запросил прислать для с'ема вас с острова самолет. Будьте наготове. Если посадка окажется возможной, самолет снимет вас. Нужна площадка—двести метров диаметром. Приготовьте посадочный знак.

Командир ледокола «Сибиряков» (подпись).

— Что надо? Что? Площадка? — спрашивал Темю.

— Ну, ровное место. Льдина без бугров.

— Есть там. Идем. Я видел, есть!—Темю тянул Анну за руку...



Хижина зимовщиков на острове Трех медведей.

— Это можно отложить до утра, Темю. Женщины не идут, однако?

— Так он их к тебе и пустил! — буркнул повар.

— Товарищи! Двери на запор! И надо установить вахту. Кто знает, вдруг король начнет против нас военные действия...

— Смейся, смейся, — пригрозил Грамотеев, — еще прилетит ли машина... И быть тебе королевой Трех медведей!

●

Около зимовки стучали выстрелы из винтовок. Анна учила Ойяш и еще четырех «сестер» обращаться с оружием. Поставили большой ящик. На нем Иванов начертил углем неуклюжую мохнатую фигуру человека...

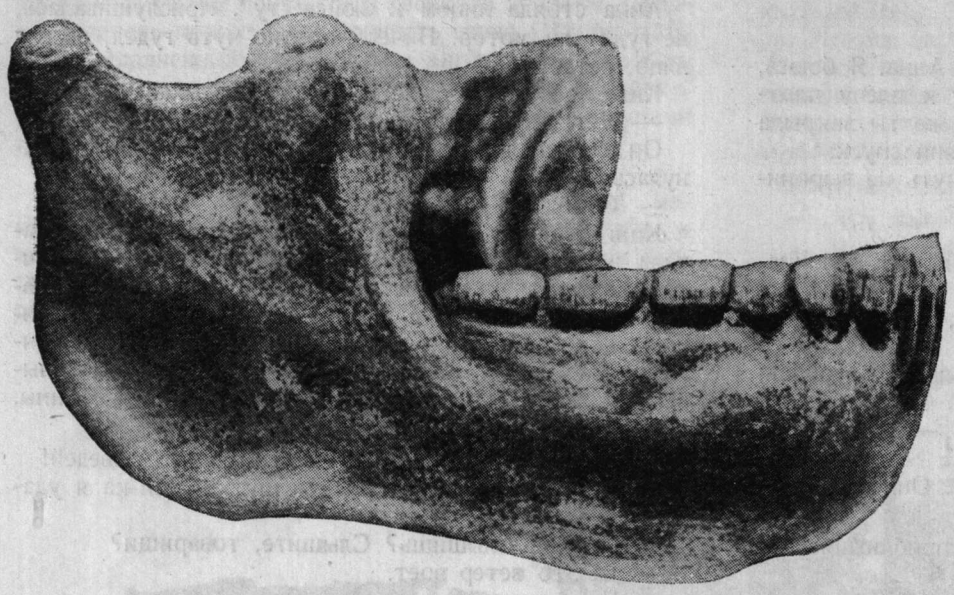
— Это медведь? — спросила Ойяш, следя за работой Иванова.

— Вроде Володи, на манер лошади,— ответил Иванов и начертил на голове мохнатого человека матроску с ленточкой.

— Это он! — воскликнула Ойяш. — Он страшный...

ТРИ НАХОДКИ

Очерк К. А. Покровской



Нижняя челюсть гейдельбергского человека в натуральную величину.

Что случилось на острове Яве в 1891 г.

Никто из деловых людей, живших на Яве, ничего не заметил. Малайцы покорно работали на рисовых и кофейных плантациях. Голландские чиновники и дельцы, изнемогая от тропической лихорадки, округляли свои доходы. Пароходы в портах грузили рис и кофе, чай и индиго, апельсины и фиги.

Голландский военный врач, по фамилии Дюбуа, служивший в поселке Триниль и занимавшийся больше отыскиванием ископаемых чем медициной, послал в один научный журнал статью с описанием одной своей находки.

И 1891 год стал замечательным годом в истории науки.

Дюбуа производил раскопки на обрывистом берегу реки и в пластах древнего песчаника, залегавшего на 15 метров глубины. Он нашел здесь много окаменевших костей разных животных. Когда-то этот рыхлый песчаник был обыкновенным песком и лежал на речном берегу. Река выкидывала на песок трупы и кости животных, а потом заносила их новым песком. Так вырос слой песку в целый метр толщиной. Впоследствии над этим песком образовались другие отложения, в 15 метров толщиной. Под их тяжестью нижний песок слежался, затвердел и превратился в рыхлый камень-песчаник, и все кости животных, попавшие в него, тоже окаменели.

Дюбуа был не только врачом, он был ученым геологом. Он определил возраст песчаника с окаменелостями. По его расчетам вышло, что песок намыт сюда рекой 500 тысяч лет, т. е. полмиллиона лет назад.

Другие геологи потом начали с ним спорить. Они доказывали, что это происходило не так давно: всего только 300 тысяч лет назад.

Дюбуа будто бы ошибся на 200 тысяч лет. Вопрос так и остался неразрешенным.

Но это не так уж важно, разница в 200 тысяч лет! В истории земли — это пустяк.

Другое дело в истории человека... Находка доктора Дюбуа была все-таки, замечательной. Что же, собственно, он нашел?

Верхнюю кость черепа — черепную крышку. Несколько дальше, но в этом же слое песчаника, он нашел еще одну бедренную кость. Вот и все.

Когда статья Дюбуа была напечатана, все антропологи и все палеонтологи всего мира страшно взволновались. «Антропос» по-гречески значит человек, а «логос» — мысль; антрополог — изучающий человека; «палайос» — значит древний; «палеонтолог» — изучающий древности. Начался ожесточенный спор, чьи это кости: обезьяньи или человечьи?

Вопрос был огромной важности. Дело шло о времени появления первого человека на земле. Дело шло о предках человека. Ведь нигде до сих пор не могли найти ни малейшего следа таких животных, которые были бы связующим звеном между обезьяной и человеком.

Шесть знаменитых ученых признали крышку черепа, найденную Дюбуа, обезьяньей. Это было правдоподобно. На островах малайского архипелага много обезьян. На острове Борнео и сейчас водятся гориллы.

Другие шесть знаменитостей доказывали, что она человечья.

А еще восемь не менее знаменитых ученых утверждали, что она не совсем обезьянья, но и не совсем человечья.

А бедренная кость?

Сначала никак нельзя было установить, что остаток черепа и бедро принадлежали одному и тому же существу.

Очень важно, конечно, что они были найдены в одном слое, значит, были одинаковой давности.

Про бедро большинство знаменитых ученых сказало, что оно не обезьянье, — оно гораздо больше походило на человечье. Кость была слишком незначительно изогнута: она была почти прямая. Такое строение бедренной кости возможно только у животного, которое ходит на двух ногах и держится вертикально. Даже человекоподобные обезьяны — гориллы и шимпанзе — ходят согнувшись и при ходьбе упираются передними лапами, поэтому их руки также длинны, а бедра кривы.

Большинство ученых согласилось, что бедренная кость человечья. Значит, человек уже существовал на земле по крайней мере 300 тысяч лет!

Доктор Дюбуа назвал свою находку так: «питекантропос эректус», это значит: «питекос» по-гречески— обезьяна, «антропос» — человек, «эректус» — по-латински — прямостоящий: обезьяночеловек прямостоящий.

Кусок черепа и бедренная кость питекантропоса хранятся как величайшая драгоценность.

Почему?

Потому что это—все, что осталось от тех существ, которые впервые начали на земле не обезьянью, а другую какую-то жизнь.

А вся и разница-то между питекантропосом и обезьяной в том, что питекантропос был не четвероногим, а двуногим. Его передние ноги превратились в руки.

Что из этого произошло, посмотрим дальше.

Одна только челюсть

В 1907 г. в Германии, близ Гейдельберга, происходили земляные работы. Работы шли в прибрежной местности, близ реки Н.

В древних песках, намытых рекой, по определению геологов, 250 000 лет назад, рабочие стали находить много костей разных животных. Попадались кости первобытного слона и носорога, древней лошади и кабана, пещерного льва и зубра, медведя и тура. Палеонтологи очень интересовались этими находками. По зубам носорога они определили, что он питался древесными листьями,—следовательно, на этом месте в ту эпоху росли леса.

И вдруг откопали нижнюю челюсть.

Обезьянью челюсть с человеческими зубами! Это была очень сильная челюсть. Посредине, где правая и левая скулы соединяются друг с другом, кость была очень толста, и совсем не было впадины подбородка. Такое строение челюсти еще чисто обезьянье. Но зубы были уже человечьи. И ископаемое назвали гейдельбергским человеком. Челюсть гейдельбергского человека — это пока единственный след самого древнего двуногого в Европе. О жизни этого двуногого ничего нельзя было узнать. Вот какова была вторая находка!

Череп и рубило

В 1911 г. в Англии, в графстве Суссекс, осенью рабочие прокладывали дорогу к одному деревенскому дому. Работы происходили в долине реки Уазы.

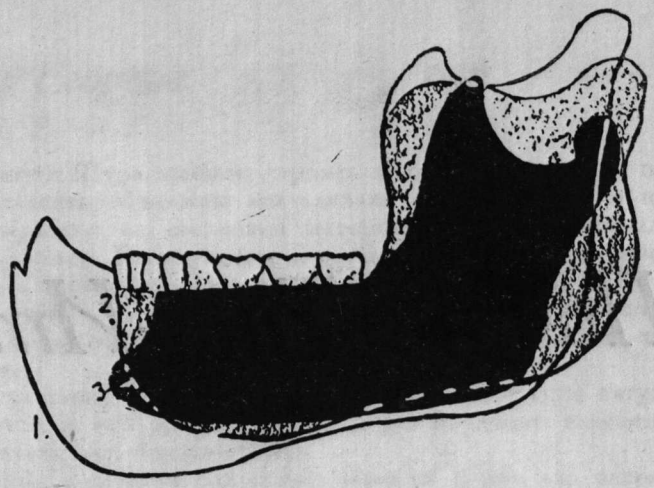
В яме стали попадаться кремни. Они встречались в желтом глинистом, перемешанном с песком верхнем слое.

Дальше пошел темный крупный песок — гравий. Стали попадаться ископаемые: зубы древнего бобра, кости водяной крысы, остатки мастодонта и бегемота и кремни. Но кремни замечательные: очень грубо оббитые и заостренные с одной стороны. Непохоже, чтобы они были такими сами по себе.

Похоже на то, что кто-то их нарочно заострил, очень неискусно и грубо. И еще попалась одна замечательная оленья кость. Она была расколота вдоль. Не перекушена зубами, а расколота чем-то острым. Может быть, одним из этих каменных рубил? Кто-то добывал себе мозг из оленьей кости.

Однажды заступ рабочего снова ударился о что-то твердое. Как будто что-то раскололось, и вместе с гравием рабочий выбросил из ямы кусок окаменелой кости. Осколок черепа! Теменная кость необычайной толщины! Похоже, что рабочий разбил какой-то череп.

Работы в этом месте были немедленно прекращены. Приехали английские ученые и начали тщательно исследовать яму.



1) Челюсть гориллы; 2) гейдельбергская челюсть 3) челюсть современного человека.

Разрез ямы:

Слой почвы в 0,3 метра. Попадаются кремни.
Слой песчаного суглинка желтого цвета 0,75 метра. Первый оббитый кремень.
Темнокоричневый гравий. Ископаемые кости животных. Грубо оббитые кремни. Череп человека. Толщина слоя 0,45 метра.
Светложелтая глина и песок 0,1 м. Твердая порода.

В том же коричневом гравии ученые нашли еще одну часть черепа—лобную кость. Пришла зима, и исследование ямы пришлось прервать.

Весной ученые вернулись. После тщательных поисков нашли правую половину нижней челюсти и затылочную кость. Казалось, больше ничего нельзя обнаружить.

Но находка была богатейшая!

По осколкам можно было составить почти целый череп, недоставало только нескольких костей.

На третий год явился французский ученый и стал снова рыться в яме.

Ему удалось найти еще две маленьких носовых косточки и один зуб!

Находка эта была интересна своей древностью. Геолог определил возраст пласта коричневого гравия в 125 тысяч лет; во-вторых, в устройстве черепа: кости черепа были в два раза толще костей черепа современного европейца, а мозговая коробка была, несомненно, человечья; по зубам определили, что это был человек не моложе 30 лет. Передние зубы у него выступали вперед совсем по-обезьяньи. Но вот в чем было его главное отличие от обезьяны: он умел делать себе орудие из камней кремня. Он выбрал самый замечательный сорт камня для выделки своих орудий: кремень, во-первых, легко обкалывается, а вместе с тем он очень тверд.

Кремень для людей каменного века стал так же необходим, как для нас железо и сталь. Кремень был для них дороже золота.

В следующий раз мы расскажем вам, как люди каменного века отыскивали кремень и устраивали свои кремневые фабрики, но это происходило тысяч на пятьдесят лет позднее.

Про человека, череп которого нашли при прокладке дороги в Англии, ничего нельзя больше рассказать, кроме того, что он любил лакомиться костным мозгом и умел добывать его, раскалывая кости животных с помощью кремневого рубила.

Вот какова была третья находка!

Почта Тут-Итама

В Серпухове еще недавно ребята скучали и от скуки бегали по улицам, били стекла, хулиганили, курили, ругались. И вот все переменилось. Хулиганы стали образцовыми пионерами. Уличных ребят не стало. Все свободное время ребята проводят в мастерских, красных уголках, на спортплощадках.

В чем же дело? Что случилось с серпуховскими ребятами?

А вот что городской комитет партии решил заняться ребячьей скукой. Подумали, посоветовались с родителями ребят и устроили конкурс на лучших ребят, на лучших родителей, на лучшее поведение, на лучшую модель, на лучшую стенгазету. А в общем — один большой конкурс на лучшее воспитание. И теперь ребятам в Серпухове некогда скучать и хулиганить. Время проходит интересно и весело. Так интересно, что мы даже решили напечатать письма этих ребят о том, как они готовятся к конкурсу.

Письмо Шуры Журавлева

Мы организовали у себя зоологический сад. Наловили сачками в воде лягушек, головастиков, тритонов, водяных жуков, опустили их в банки и отнесли в балаган. Потом пошли в лес ловить ящерицу; увидели ящерицу, и Коля поймал ее, мы положили песку и камушков в банку и положили ящерицу. Потом у Шуры поймали 11 мышей и пустили их в клетку. Шура принес двух птичек и пустил их в клетку; мы сделали об'явление для маленьких ребят, что у нас открылся зоологический сад, будем пускать по билетам, а билеты — картинки от конфет. Ребята быстро согласились и пошли искать картинки. Когда картинки нашли, у балагана построилась очередь, и мы начали пускать ребят. Смеялись, так как они еще не видели ящериц, водяных жуков, головастиков, мышей и тритонов; когда ребята все посмотрели, мы весь зверинец распустили.

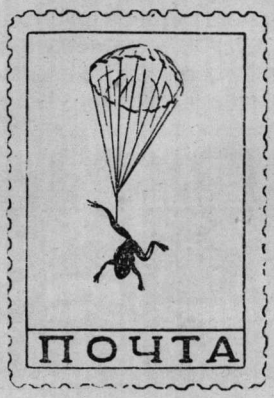
Письмо Вали Голубковой

Наш кружок организовался так. У нас в общежитии была комната, в которой раньше занимались рисованием, а теперь она стояла пустая, и культсектор: Коршунов Миша, Охочинский Коля и Савельев Ваня — отвели нам комнату. Они очень заботились о нас, сначала мы шили куклам платья. Потом нам захотелось научиться шить по-настоящему. А шить было не из чего. Мы пошли в фабком 2-й ситценабивной фабрики.

Тов. Охалин, директор фабрики, и тов. Агеев, и тов. Бабашкин позаботились о нас. Они выдали нам 5 килограммов лоскуту. Сперва у нас не было руковода, и нами руководила Юдина Нина, 10 лет.

Когда мы принесли лоскут и начали шить, кроила нам Юдина Нина, но потом Коршунов Миша дал нам руковода Голубкову, тетю Наташу. С нами она занимается очень хорошо. Но сначала была у нас дисциплина очень плохая. Вот у нас есть Куликова Нюра. Она ругалась нехорошими словами, ссорилась с председателем Скворцовой Валей и с секретарем Жарковой Васеной, и мы ее вызвали на бюро рукодельного кружка, и ее обсудили, и теперь она стала примерная: шьет, вяжет. Один раз нам звонят по телефону, что скорей приезжайте на салазках за машинкой. Первая начала шить на машинке Казакова Тамара, 12 лет, и так мы начали шить; и вот как к нам пришли из клуба имени Володарского и взяли все наше шитье и повесили на выставку. Так мы теперь шьем, вяжем, вышиваем, и о нас заботится культсектор: Коршунов Миша, Охочинский Коля, Савельев Ваня.

Письмо Бори Егорова



Я и Осипов Шура любили строить авиомодели, змеи, а потом их запускать. Однажды мы сделали большой змей и небольшой парашют из шолковой материи, который привязали к хвостнице змея. Потом поймали лягушку и привязали летчика-лягушку к парашюту. Когда змей с лягушкой залетел высоковысоко, я дернул за нитку змея, и парашют и лягушка упали на землю; тогда я побежал к парашюту и увидел, что лягушка расшиблась.

Это было наше несчастье. Тогда мы поймали другую лягушку и запустили второй раз, на этот раз парашют и летчик-лягушка спустились благополучно.

Я и Шура побежали радостные обратно, и про это рассказали всем ребятам.

Письмо Зины Устиновой

В нашем общежитии всего 35 ребят, и мы имеем целых 12 кружков, и каждый из нас занимается не меньше чем в 2 кружках. Мы, девочки, занимаемся в рукодельном кружке.

Первое, что мы сшили, были блузы для нашего драмкружка. Стали это мы кроить, да так скроили, что руки в рукава никак нельзя было просунуть, тогда нам руководитель велел перекроить—и рукава вышли неплохие. Когда все у нас было готово, мы свои вещи отдали на выставку, которая была открыта в нашем городе. Приносили мы свои вещи в клуб, а там для нас место отведено. Стали все развешивать, оказывается, что мы так много нашили, что все и не умещается. Модельный кружок много представил моделей, и наша выставка была лучше всех.

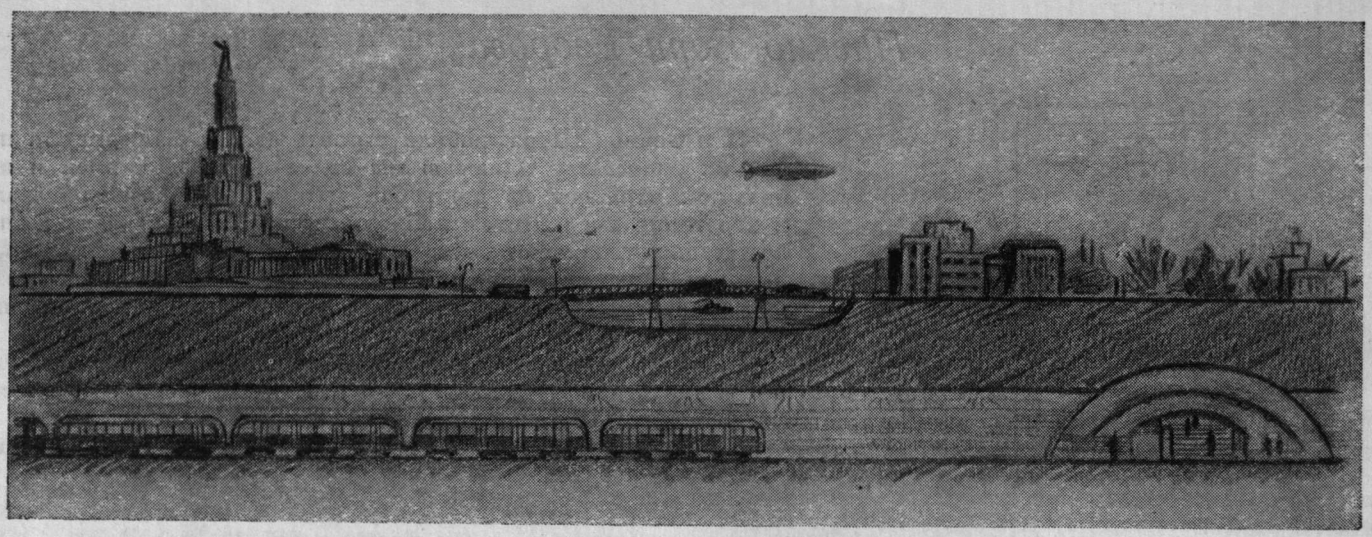
До конкурса наши ребята ходили грязные, рваные; вот мы и решили сделать две куклы—одну мы одели в грязное и рваное платье, с растрепанными волосами—это значит девочка до конкурса, а вот другую мы сделали с чистым лицом, в хорошем и чистом платье, на плече у нее полотенце, а слева подмышкой зубной порошок, а справа — зубная щетка.

Ребятам и родителям очень понравились наши куклы, и они долго смеялись над грязной куклой, так как она была похожа на наших девочек.

Письмо Коли Орлова

Напротив нашего общежития есть сквер, и вот там были сделаны карусели. На них катались и взрослые ребята, но не всегда, нас иногда туда вовсе не пускали, и мы решили сделать свои карусели. Достали не очень высокий столб, вкопали его, сделали крест из досок и надели на ось. Сделали лямки—и карусель была готова. На карусель пришло очень много маленьких ребят, и мы их тоже катали, только за плату—не за настоящую, а за конфетную картинку. И так проходил день за днем, пока не наступила осень. Когда наступила осень, доски нам стали нужны на рулевые салазки, и мы разломали карусель.

Скоро выпал снег. Наступили морозы, дороги обледенели, и мы стали кататься на рулевых салазках. Катались очень весело с горок, которые сделали в сквере. Иногда катались в прицепку. Один уцепится за другого, так человек шесть, если падал один, то и все за ним летели с горы.



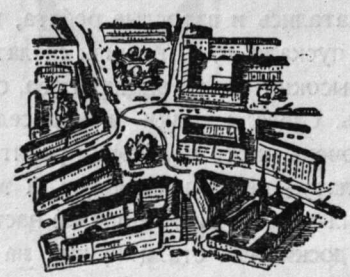
Подземный поезд

Очерк Б. Ивантера *Рисунки В. Цельмера*

Москва с птичьего полета

Когда летишь над Москвой на аэроплане, то видишь все ее дома сразу. Они стоят, тесно прижавшись друг к другу боками. Но как они ни жмутся, все равно оставляют очень мало места для улиц. Многие улицы совсем узкие. Есть такие, по которым с трудом, чуть ли не обдирая себе бока, продираются трамваи. Когда видишь все эти дома, представляешь себе сразу, как много людей в Москве. Ведь в Москве есть такие дома, в которых живет по нескольку тысяч человек. В первомайскую демонстрацию через Красную площадь колонны десяти районов движутся сплошной стеной пять часов подряд и все ближние улицы полны людьми от тротуара до тротуара.

С аэроплана московские улицы выглядят необыкновенно чистыми и гладкими. По тротуарам идут маленькие людишки; толпы стоят у перекрестков и у трамвайных остановок. Из-за угла появляется игрушечный трамвайчик. И вдруг толпа людишек закипает. Человечки бросаются на трамвай, лезут друг на друга, суетятся как муравьи, пока трамвай не отходит с гроздьями на подножках и даже на буферах.



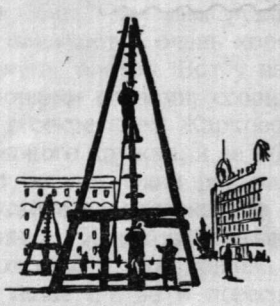
Человечество в трамвае

Это все так забавно выглядит сверху. А вылезешь из аэроплана да сам попытаешься сесть в трамвай—забудешь про смешных человечков. Кругом все сердитые москвичи. Одним нужно скорей на работу, другие спешат домой, третьи—в театр, и сам тоже торопишься. Подходит трамвай, бросаешься на него как тигр, тебя сдавливают со всех сторон, тебя жмут, мнут, толкают, пока ты, совершенно изжеванный, не вылетишь пробкой через переднюю площадку.

Трамваи ходят часто. Еще чаще их пускать нельзя, иначе на улицах образуются заторы. Жителей в Москве—около четырех миллионов. Москва—один из самых больших городов мира. Каждый день московский трамвай перевозит пять миллионов пассажиров. Каждый москвич пятьсот раз в год ездит на трамвае. За год в московских трамваях могло бы проехать все человечество.

Трамвай не мог справиться с подвижными москвичами, которым каждый день нужно ехать на работу, с работы, в театр, в гости, в школу, в парки культуры и отдыха. На помощь трамваю пришли автобусы. Они помогли немного, но москвичей все прибавлялось. На подкрепление выслали троллейбусы, но и этого оказалось мало, а на улицах от автомобилей, автобусов и троллейбусов стало совсем тесно.

Стало ясно, что часть движения нужно перенести с улицы в какое-нибудь другое русло. И если для трамваев не хватает места на поверхности земли, то нужно пустить их под землей. Лазарь Моисеевич Каганович, секретарь Московского и Центрального комитетов партии, доложил об этом Центральному комитету партии, и партия решила проложить под Москвой тунели и пустить по ним поезда метрополитена.



Подземные тайны

Туннель стали копать не сразу. Сначала геологи прощупали московскую почву. Они бурили землю в разных местах, на разную глубину и выяснили, что для туннеля придется прокладывать трудный путь.

Если бы москвичи, заложившие город несколько сот лет назад, предвидели, что их потомкам придется строить метрополитен, они выбрали бы место повыше. Москва находится на одном из самых низких мест Московской области, и все подземные воды стекаются к ней. По Москве когда-то протекали двадцать две речки. Их нет теперь на поверхности. Но подземная разведка нашла все эти двадцать две речки и оставшиеся от ледников огромные камни—валы и мокрый песок—плывун.

До ледников на месте Москвы было море. Глинистое дно этого моря лежит на глубине около 20 метров. Выше лежат глины и пески ледников.

Глубоко под поверхностью Москвы, где, казалось бы, метростроевцы были первыми людьми, вдруг оказались совсем неожиданные предметы: туфля, подсвечник, аптекарские склянки, оружие!..

Какие подземные жители обронили свое имущество на глубине нескольких метров? Как они здесь жили? Может быть, есть следы их жилищ? Следы есть! Вот кусок мостовой, вот печные изразцы. Неужто был подземный город? Нет, это строители метро проходят «культурный слой». Когда-то, несколько столетий назад, на этом месте шумела старая Москва, здесь стояли дома, замощены были улицы. Там, где нашли склянки, была когда-то немецкая аптека. Где изразцы—там стоял дом с изразцовой печкой. Все это стояло на поверхности земли.

Почему же все это ушло под землю?

А почему остатки всех древних городов археологи находят глубоко под землей? Потому что человек столетиями сам наращивает почву. Он строит дом — и строительный мусор, щепки, остатки глины—ведь все это не вывозили за сто верст: это оставалось тут же, поблизости. Люди привозили в город, на базар, с собой груды всяких припасов и заодно грязь со всех дорог. Жители потребляли и выбрасывали обломки рухляди, мебели, гарь от всех пожаров оставалась на месте. Так из отбросов густой городской жизни создается новая почва, так называемый «культурный слой».

Проходчица метро.

И если ты хочешь найти остатки древней жизни, вкапывайся в землю.

Но метростроевцы находили сооружения москвичей не только в культурном слое. Они натыкались на настоящие подземные сооружения — на подземные ходы.

Несколько столетий назад древние москвичи самыми простыми лопатами десятки лет как кроты рыли подземный ход и выкладывали его изнутри кирпичными сводами.

Из крепости, обнесенной стеной, вел этот подземный ход и выходил где-нибудь в малозаметном месте; в случае осады врагами это был единственный путь для военной вылазки, ход для разведчиков, путь для продовольствия.

Вгрызаемся в землю

Лучше всего проводить туннель под песками, в крепкой глине бывшего морского дна. Но кое-где эта глина смыта речками Неглинкой, Ольховкой, Чечерой и Рыбинкой. Они протекают в трубах под землей и до сих пор сохранили свои названия.

Труднее всего проводить туннель в жидком грунте, в песке-плывуне. Вода—самый опасный противник строителей туннеля. А воды много в подземной Москве.

В Берлине, Париже, Лондоне, Нью-Йорке, в крупнейших столицах мира, есть уже метрополитен. Слово «метрополитен» означает в переводе «столичный». Московские купцы в 1900 г. собирались строить метрополитен, да так за семнадцать лет до самой революции ничего и не сделали, даже почвы не изучили.

Кроме того у купцов нашелся противник: московский митрополит—духовное лицо, главный начальник церквей и попов.

«Так как туннели метрополитена в некоторых местах, — писал митрополит, — пройдут под храмами на расстоянии всего лишь трех аршин, то святые храмы умалятся в своем благолепии».

Митрополит испугался метрополитена.

В Берлине, Париже и Лондоне метро строили по-разному. В Берлине открытым способом: рыли на улице котлован, по дну проводили рельсы, укрепляли стены, потом перекрывали их стальными балками и сверху накладывали мостовую. В Париже строили закрытым способом, но тоже неглубоко в земле. В Лондоне туннели проводили глубоко, до 60 метров, под поверхностью земли.

У нас спорили о том, какой метод лучше, и решили применить все три. В малонаселенных местах мы роем котлованы, а в центре выбираем наиболее удобные слои почвы и зарываемся в землю.

Сначала строители начинают рыть колодец и роют, пока не появляется вода. Появилась вода—рыть нельзя: надо убрать воду. Вычерпать ее—не поможет: новая наберется. Попробуйте вырыть ямку во влажном песке—сразу натечет вода.

Воду нужно прогнать, и ее прогоняют сжатым воздухом. Над мокрым грунтом роют котлован. В котлован ставят кессон—закрытую воздухонепроницаемую камеру. В нее нагнетают воздух. Уйти ему некуда: стенки и потолок из железобетона. Остается пол—это мокрый грунт: вода и песок. Давление воздуха оттесняет

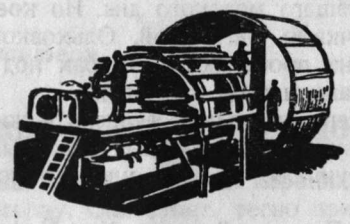
воду—песок становится сухим. Пока кессон под давлением, песок можно рыть, не боясь, что вода зальет камеру. Грунт роют, кессон опускается ниже и ниже, пока не опустится до слоя, в котором должен пройти туннель. Теперь нужно идти не вниз, а вбок. Вместе с кессоном опускают первый кусок готового туннеля. Стены его из железо-бетона—никакая вода ему теперь не страшна. Из него можно вгрызаться в грунт в обе стороны, и проходчики берут отбойные молотки и начинают свою работу.

Они вгрызаются в грунт, укрепляют его деревянными балками, чтобы не осыпался, расширяют его, идут дальше; за ними откатчики вывозят породу на вагонетках, а бетонщики бетонируют стены и свод.

Молодые проходчики бьются с упрямым грунтом холодным оружием. Острие отбойного молотка похоже на штык. Но это механизированный штык: струя сжатого воздуха заставляет его частыми ударами бить в породу, и стук его похож на треск пулемета.

Под землей работают и подрывники. Они бурят перфораторами твердые грунты и взрывают их аммоналом.

Наконец, на помощь отбойным молоткам и аммоналу приходят подземные танки—щиты.



Стальная черепаха

По величине щит не уступит большому танку и весит столько же, сколько два паровоза. Это огромный стальной цилиндр, лежащий на боку. Он называется щитом потому, что защищает рабочих от обвалов. Как гигантская подземная черепаха, он медленно и упорно движется на огромной глубине, и ничто его не может остановить: ни плывуны, ни глина, ни известняки.

С невероятной силой, давлением в 125 тонн, края его врезываются в породу. В передней его части сделаны перекладины-площадки. С этих площадок ему помогают комсомольцы-проходчики своими отбойными молотками. Щит продвигается на полметра, и сразу в его хвосте по всему кольцу туннеля укладывают блоки,— это тяжелые, бетонные части трубы. Из них выкладывается бетонное кольцо. Щит проходит и оставляет за собой готовый туннель диаметром в девять метров. Здесь могут свободно разойтись два вагона метро.

Подземные инженеры изобретают военные хитрости против камня, воды и песка.

На проходке лестниц тоже попадается мокрый грунт. Лестницы проходят с наклоном в 30 градусов. Кессон применять нельзя. Тогда придумали способ замораживать этот мокрый грунт. Замораживают его машинами. В мороженом грунте пробивают ход для лестницы: накрепко изолируют стены, и в мокром грунте остается совершенно сухая бетонная труба. Там, где неудобно замораживать, песок превращают в камень. Огромными шприцами в грунт впускают жидкое стекло и хлористый кальций. Когда стекло затвердевает, грунт превращается в камень, которому не страшна никакая вода.

Станция метро на земле

Физкультурники в кессоне

Подземную Москву роют по десяти радиусам. Под Москву вкопался подземный метрогород. В нем 80 тысяч человек. Сменяясь, они работают там круглые сутки. Под землей нет ни дня, ни ночи. Когда надземная Москва спит, подземный город работает.

Надев комбинезон, резиновые сапоги, широкополую брезентовую шляпу, спускаешься в шахту, держась за железные поручни, по узким лестницам. Лестница в глине; перекладины мокрые и скользкие. По пяти или шести лестницам спускаешься вниз. В туннеле днем и ночью электричество. По мокрому дну проложены рельсы; по ним движутся вагонетки: они отвозят породу. Ребята и девушки в одинаковых брезентовых комбинезонах похожи друг на друга. Они толкают вагонетки и хлюпают резиновыми сапогами по лужам.

Рабочие почти все—сплошь комсомольцы. Десятки тысяч комсомольцев ушли под землю. Ударными бригадами врезаются они в известняк и в юрскую глину; они замораживают плывучие пески и работают в кессонах.

В кессонах не всякому можно работать. На каждого человека, живущего на земле, воздух давит с силой одной атмосферы. В кессонах воздух сжат и давит на рабочих-кессонщиков с силой двух и трех атмосфер. К этому нужно привыкнуть. В кессон нельзя входить сразу, из обычного давления. Нужно пройти через воздушные шлюзы, где давление увеличивается постепенно.

Сначала щит работал под обычным давлением в сухом грунте. Когда он наткнулся на плывун, появилась надобность в кессоне, и многие рабочие не могли остаться работать. Врачи запрещали им идти в кессон.

Тогда Каганович обратился к комсомольцам-кессонщикам, чтобы они выделили лучших ребят на щит. И на щит пошли самые крепкие и смелые комсомольцы—физкультурники и ворошиловские стрелки.

Встреча под землей

Самые горячие дни в шахтах были тогда, когда два комсомольских отряда шли сквозь землю на соединение друг с другом. Надо было точно рассчитать проходку, чтобы оба отряда попали в цель и не прошли мимо. Когда до сбойки двух туннелей на пятой дистанции оставалось десять дней, ребята совсем не хотели вылезать из шахты. Поработают свои шесть часов, отдохнут немного и опять шесть часов работают. Некоторых приходилось насильно уводить на отдых. Комсомольцы во что бы то ни стало хотели оставить у себя переходное знамя. И оставили.

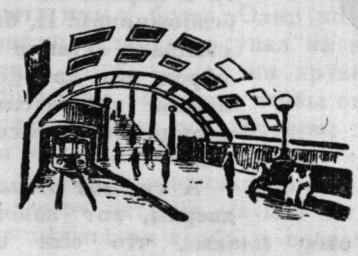
Через три дня стена, которую они буравили, обвалилась, и в провал они увидели знакомых ребят из соседней шахты, которые шли к ним навстречу. Через три дня вместо десяти!

Когда проходчики 12-й комсомольской шахты работали под площадью Свердлова у Большого театра, вдруг случился обвал: часть штольни обвалилась. В первую минуту подумали, что провалился Большой театр: такой страшный грохот раздался в шахте. Поднялась тревога.

и под землей.

Оказалось, однако, что обвалился старый колодец. Он был забит мусором и залит асфальтом, а когда проходчики к нему подошли, столетний колодец с шумом рухнул вниз. А шум гулко разносится по штольням.

Нужно было пойти крепить штольню. Было опасно. Горные породы обваливаются пластами. За колодцем мог рухнуть новый пласт. Трое молодых рабочих: член партии Макаревский, комсомолец Алешин и Москвин— восемь часов закладывали перекладины и делали перекрестное крепление. А шахта каждую минуту могла обвалиться. Сделали они свое дело хорошо, и дальше было снова безопасно работать.



Мужество комсомольца

В другой шахте засорился насос, который откачивает воду. Пока туннель еще не готов, в шахту всегда немного просачивается вода. Ее приходится откачивать. Насос засорился, и шахта стала наполняться водой. Один комсомолец пошел исправлять насос. Пока он работал, вода все прибывала и прибывала. Он очутился по горло в воде. Поработав так целый день, он ушел только тогда, когда починил насос. Так работали под землей московские комсомольцы. Каких только профессий не было среди них: и слесаря, и пекари, и машинисты, и вязальщицы, и текстильщики, и наборщики типографии...

Пройдя курсы, наборщики становились проходчиками, вязальщицы начинали класть бетон.

На земле шла слава про лучшие подземные бригады. Это были бригады комсомольцев.

Главный инженер

Иногда в шахтах совершенно неожиданно появлялся Лазарь Моисеевич Каганович. Метростроевцы шутя называли Кагановича главным инженером Метростроя. А он инженером никогда и не был. Был прежде рабочим-кожевником.

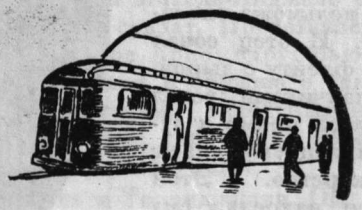
Когда он выступал на собраниях метростроевцев, показывал их промахи и поддевал начальников, ребята удивлялись:

— Откуда бы ему знать про все тонкости темного подземного дела?

Каганович поднял всю Москву на стройку метро. Для метро работали многие московские заводы. Слова Кагановича о метро были написаны на плакатах, висящих в каждой вышке:

«Строить метро так, чтобы нигде не капало».

Эти слова Кагановича часто повторяли под землей.



Лучшее метро в мире

Теперь первая очередь метрополитена уже построена, и в нем нигде не капает. Это лучший метро в мире. В парижском метро душно и сыро. В Лондоне поезда задерживаются на подземных перекрестках. В Берлине они выскакивают на поверхность и мчатся с грохотом и лязгом, сотрясая дома и оглушая людей.

В туннелях московского метро всегда чистый воздух и ровная температура. Одна линия нигде не будет пересекать другие. Пешеходы и не чувствуют, что под ними мчатся быстрые поезда метро.

Движущиеся лестницы—эскалаторы,— со скользящими перилами, спускают пассажиров к платформам. По эскалаторам люди поднимаются и опускаются вдвое бы-

Дежурный подземной станции.

стрей чем по обычной лестнице. И лестница двигается, и сам в это время сходишь со ступеньки на ступеньку.

Каждые полторы минуты к подземной платформе подходит поезд из шести или восьми вагонов. Тысячу пятьсот пассажиров берет каждый поезд метро. В каждом вагоне—по четыре широких двери. Все двери открываются одновременно. За двадцать секунд вагоны выпускают всех пассажиров и принимают новых. Поезд так устроен, что пока двери открыты, он не может двинуться с места. Двери захлопываются все в одно время автоматически, и за стенами вагона не остается ни поручней, ни подножек, ничего, за что можно было бы уцепиться.

Поезд мчится со скоростью шестидесяти километров в час. За восемнадцать минут он пролетает целую линию — от Крымской площади до Сокольников. Поезд летит, и ничто не стоит у него на дороге. Нет перекрестков, нет встречных поездов. На пути нет ни людей, ни животных, ни автомобилей. Рельсы чисты — путь свободен.

Первыми пассажирами метро были делегаты VII с'езда советов и самые лучшие ударники Метростроя. Лазарь Моисеевич Каганович, конечно, был среди них.

Бенвенуто Челлини

Все это было в XVI веке в Италии.

Отец просил, отец угрожал и снова плакал и умолял играть на флейте. Так ведь чудесно выходит, такие звуки, что если услышит папа, римский папа, наместник бога на нашей земле, если он услышит, он вознесет, он засыплет золотом, морем денег, войдешь как свой в чертоги его святейшества: войдешь туда, куда на коленках королевский вельможа вползти не смеет. И отец совал сыну в руки флейту с дырочками и клапанчиками, совал страстной рукой прямо к зубам как умирающему спасительное лекарство. Этой флейтой отец надоедал ему с детства.

Бенвенуто Челлини.

Как со всей силой ненавидел он флейту, так со всей силой, всей горячей кровью любил скульптуру, любил жаркой рукой взять воск и лепить из него живую красоту: людей, зверей, цветы и листья,— чтобы они входили в самую душу, чтобы волновали, останавливали дыхание в груди, не отпускали взгляда зрителя, проникали в кровь, покоряли и завораживали навеки. Он вырос среди этих волшебных скульптур, в своей родной Флоренции. Там, на площади, стояли величайшие произведения первейших мастеров, стояли друг против друга. Смотрите: какое лучше? Кто победит, кто повернет к себе и удержит глаза прохожих? Кто заставит трепетать сердце? Чье имя будет выше всех?

Вся Италия — это королевства и княжества. Герцоги и маркизы наперебой зовут к себе лучших художников, архитекторов, скульпторов. Кто лучше украсит свой город, кто больше прославит свое правление, про кого скажут: «Вот умел угадать, найти и привлечь к себе величайший талант, показал свой тончайший вкус и огромное богатство, а если богатство,—значит и силу»? Герцоги не жалели денег. Подати с крестьян шли на художества, на украшение площадей и дворцов. И князь-папа был королем над королями в своем Ватикане. Любого герцога и короля он мог об'явить безбожником. И, бывало, простаивали сутками на коленях перед его дворцом коронованные властители, и двери дворца оставались закрытыми.

А тут вот отмычка к этим дверям, вот ключ к сердцу короля — и отец плакал, что сын отталкивает флейту, когда так чудесно идет у него это дело. Он уже играл раз мальчиком перед папой, сидя на плечах у папского служки.

А солнце торжественно всходило каждый день, чтобы освещать славу и подвиги, гордые здания, мраморные статуи, которые, казалось дышали. Нет! К чорту флейту, эти звуки порхают и улетают! Чел-

лини ищет жадными глазами, у кого научиться делать эти живые вещи. Вон божественный Микель-Анджело Буонаротти. До него не добраться! Не добраться до Леонардо да Винчи. Но и здесь есть ювелиры, которые отливают чудесные статуэтки из серебра и золота, которые живут и глядят в самое сердце.

Челлини уж не жил: он горел, руки искали воска и глины.

И вот «пятнадцати лет вступил я,— пишет Челлини,— против воли отца к золотых дел мастеру Антонио ди Сандро, прозванному Марконе. Антонио прекрасно знал свое дело, был добр, благороден и чистосердечен. Отцу моему не хотелось, чтобы Антонио давал мне жалованье как другим ученикам, потому что я занимался этим искусством по собственной охоте; ему хотелось, чтобы я мог рисовать, когда мне вздумается. Я исполнял это очень хорошо, и достойный мой учитель был в восхищении от моих рисунков. Благодаря желанию усовершенствоваться и своим способностям через несколько месяцев я мог соперничать с хорошими, даже с лучшими работниками и стал пользоваться плодами своих трудов. Из угождения отцу я иногда играл на флейте и трубил в рог, и он всегда слушал меня со слезами на глазах, по временам глубоко вздыхая. Наконец, чтобы осчастливить батюшку, я старался даже уверить его, что занимаюсь с большим удовольствием».

Отец просил, отец угрожал и умолял играть на флейте.

Все, казалось, шло хорошо: и батюшка рад, и сын дорвался до своего дела, до своей страсти.

Вдруг, вот что случилось с братом Бенвенуто Челлини:

«В это время брату моему, сделавшемуся по своей храбрости и отважности одним из лучших воинов дивного Иоанна Медичи, отца герцога Косьмы, было около четырнадцати лет. Однажды, в воскресенье, он со шпагой в руке повздорил с одним молодым человеком лет двадцати. Он так разгорячился, что, нанеся опасную рану, казалось, не хотел остановиться. Между многочисленными свидетелями битвы было много родственников раненого; увидав, что дело приняло дурной оборот, они вооружились камнями и стали бросать ими в брата. Один попал ему в голову, и несчастный замертво упал на землю. У меня, по несчастию, не было тут ни друзей, ни оружия; я кричал брату изо всех сил, чтобы он удалился, что уже он и так остался победителем; но, увидав, что он упал, я схватил его шпагу и стал над ним: ни камни, ни шпаги противников меня не устрашили. Я не отходил от него ни на шаг до тех пор, пока не прибыло несколько храбрых солдат; они вырвали нас из рук раздраженных неприятелей и немало удивлялись, видя столько отваги в таких еще молодых людях. Я отнес полумертвого брата домой, и он с большим трудом пришел в себя. Когда он оправился, Совет восьми, осудив наших противников на несколько лет изгнания, повелел и нам удалиться из города на шесть месяцев на расстояние десяти миль. «Пойдем со мною»,— сказал я брату. Мы простились с бедным батюшкой, который за неимением денег дал нам свое благословение».

Знакомый кардинал выпросил прощенье, братья вернулись. Но всюду: и в изгнанье и на родине — Челлини ищет мастера, ищет, у кого бы развить свой талант. А ученики бродят от мастера к мастеру, мастера сманивают способных подмастерьев, а их самих сманивают короли и властители. Во Франции, в Англии, в Вене — всюду та же страсть, то же увлечение великим мастерством, которое вдруг загорелось в Италии волшебным пламенем. Этот огонь засветить у себя спешит наперебой всякий королевский двор. И тут, во Флоренции, всюду слышны рассказы, как наши итальянцы во Франции, в Испании... Да что! Вот в Англии... Это рассказывал приехавший во Флоренцию Торриджиани.

«Торриджиани был красивый, лихой мужчина и походил скорей на старого солдата чем на скульптора, особенно по своим приемам, по зычному голосу и нахмуриванию бровей, что могло устрашить и самих храбрецов. Он беспрерывно рассказывал о своих подвигах со скотами-англичанами.

Однажды, по поводу моего рисунка, который я списывал с картона божественного Микель-Анджело Буонаротти, Торриджиани начал говорить о нем. Этот картон был первым замечательным произведением, которым Микель-Анджело показал свой удивительный талант. Он делал его вместе с Леонардо да Винчи. Картины назначались для дворцовой залы. Они изображали взятие Пизы флорентинцами. Леонардо да Винчи писал кавалерию и взятие некоторых мест и выполнил это так хорошо, как только можно вообразить; а Микель-Анджело копировал нескольких пехотных солдат. Представлено лето; солдаты купаются в реке Арно; вдруг бьют на приступ; все толпятся и спешат к оружию с такими прекрасными жестами, с такими телодвижениями, что ни древние, ни новейшие художники не имеют у себя в этом роде ничего подобного.

Но возвратимся к Торриджиани. Он, держа в руке мой рисунок, продолжал: «Мы с Буонаротти, будучи еще детьми, ходили учиться в часовню Массачио, при церкви del Carmine. Он имел обыкновение смеяться над всеми, кто плохо рисовал. Однажды он этим вывел меня из терпения, и я его так сильно ударил кулаком по носу, что сам почувствовал, что кость и хрящ раздробились как облатка. Я думаю, память моя останется с ним на целую жизнь».

Эти слова возбудили во мне такую ненависть, что я не только не принял предложения Торриджиани ехать с ним в Англию, но даже не мог его видеть».

Торриджиани был незаурядный скульптор. В одном испанском монастыре до сих пор как великое произведение хранится рука от статуи, сделанной им для одного вельможи. Вельможа заплатил Торриджиани меньше, чем тот ждал, и Торриджиани в ярости тут же вдребезги разбил свое замечательное

„Увидев, что брат упал, я схватил его шпагу, стал над ним".

произведение — осталась одна эта рука. Бывало, что из зависти он разбивал работы своих товарищей.

Челлини бросил этого учителя, не стерпел обиды, нанесенной Микель-Анджело.

Теперь надо в Рим.

«Некто по имени Джиан Баттиста Тассо, гравер на дереве, молодой человек одних со мной лет, сказал мне, что если я поеду в Рим, то он охотно станет мне сопутствовать. Это было после обеда; в это время я опять поссорился с отцом все за ту же проклятую флейту; желая подстрекнуть Тассо, я сказал ему:

«— Ты, чай, только на словах, а не на деле...»

«—Я тоже в ссоре с моей матерью, — подхватил он,—и если бы только были у меня деньги, то убежал бы в Рим, не подумав даже запереть мою маленькую лавчонку».

«—Если за этим дело, — сказал я,—у меня денег довольно: на двоих станет».

Говоря таким образом, мы все шли да шли и очутились у ворот Сан-Пиетро Готтолини.

«—Тассо! — сказал я своему спутнику. — Сам бог привел нас к этим воротам, тогда как мы об этом и не думали; мне кажется, будто мы уж на половине пути».

Таким образом отправились мы в дорогу. Часто случалось, что, глубоко вздыхая, мы оба говорили: «Что скажут теперь наши старики?» Но потом решили не говорить о них до самого Рима. Мы привязали наши передники на спину и шли молча до Сиенны. Здесь Тассо сказал, что у него ужасно болят ноги, что он не хочет идти далее, и просил у меня денег, чтобы возвратиться. Я отвечал, что у меня их остается немного, что он должен был подумать прежде об этом, но что если у него болят ноги, то можно найти лошадь, и тогда ему нечем будет отговариваться. Видя, что он не отвечает, я нанял лошадь и направил свой путь к Риму.

Заметив мою решимость, Тассо последовал за мной, как мог, но издали и все ворчал. Когда я подъехал к воротам, мне стало жаль моего товарища: я его подождал, взял к себе на лошадь и сказал: «Помилуй, что скажут друзья наши, когда, вместо того чтобы быть в Риме, мы не имеем силы выбраться за Сиенну!» Добрый Тассо понял, что я говорю правду; веселый от природы, он начал смеяться и петь; и таким образом, смеясь и напевая, мы прибыли в Рим.

Мне было тогда девятнадцать лет. Я тотчас отправился в мастерскую ювелира по имени Фиренцуоло. Настоящее имя его было Джиованни, а Фиренцуоло звали его в Ломбардии. Это был весьма искусный мастер. Он делал посуду и другие крупные вещи. Он дал мне отличную работу, назначенную для одного кардинала. Это была копия массивной гробницы из порфира, которая находится у дверей

ротонды[1]. Кроме того что я верно скопировал ее по модели, я еще украсил ее прехорошенькими головками своего изобретения; хозяин мой показывал работу всем и говорил, что такое отличное произведение вышло из его мастерской.

Гробница была величиной в полбрассы[2] и так устроена, что ею можно было пользоваться как солонкой. Это была первая работа, за которую я получил плату в Риме; часть денег я отправил отцу, а другую оставил у себя для покрытия необходимых издержек, в особенности необходимых для изучения древностей. Когда все деньги вышли, я опять принужден был работать в мастерской.

Тассо оставался в Риме очень недолго и возвратился во Флоренцию. Я начал новую работу, по окончании которой вздумал переменить хозяина, тем более что меня пригласил к себе один миланец, мастер Паголо Арзаго.

Фиренцуоло завел с ним жаркую ссору и в моем присутствии начал говорить ему такие дерзости, что это заставило меня принять сторону моего нового хозяина; я заметил Фиренцуоло, что родился свободным и на свободе хочу и жить, что он не может претендовать на Арзаго, а еще менее на меня, потому что еще должен мне несколько экю, что как свободный человек я могу идти, куда хочу. Новый мой хозяин наговорил тоже много неприятного; он сказал, что меня не зазывал, и прибавил, что я сделал бы ему удовольствие, если бы возвратился к Фиренцуоло. Я отвечал, что, окончив начатую работу, я не могу ему теперь быть помехой, что хочу зависеть сам от себя, и если кто нуждается во мне, пусть обращается лично ко мне.

«— А я,—возразил Фиренцуоло,—я не хочу просить тебя; не смей являться ко мне на глаза!» Я напомнил ему о долге, он отвечал насмешкой. Тогда я сказал:

«—Ты, кажется, заметил, что я хорошо владею своими инструментами; так знай же, что я так же ловко могу употребить шпагу, чтоб возвратить себе должное». При этих словах почтенный старик, мастер Антонио де Сан-Марино, проходивший мимо, остановился; он был учителем Фиренцуоло и считался первым ювелиром в Риме. Услышав наши споры (а я говорил и кричал так громко, чтобы все слышали), он также принял мою сторону и советовал Фиренцуоло заплатить долг. Спор усилился, потому что Фиренцуоло отлично владел оружием, гораздо лучше чем инструментом ювелира; но так как истина была на моей стороне, я настаивал со всей силой и получил-таки деньги».

Челлини расписывает такие истории о своих подвигах в уличных драках, что, право, удивляешься только, как можно было тогда мужчине дожить до старости. Но воображение у Челлини такое пламенное, что пяток солдат вырастает у него в целую роту, а двое встречных — в дружину удальцов.

Однажды после уличной драки Совет восьми приговорил Бенвенуто к ссылке.

Отец надел на него кольчугу, дал шпагу, сверху надел монашескую рясу, и Челлини ночью удрал.

Однако все кончилось пустяками; выбрали как раз нового папу. А папа этот благоволил к старику Челлини—и сын его стал работать в Риме, ни от кого не скрываясь.

И опять—работа со всем пылом страстной любви к чудесному оживлению мертвого материала, опять прекрасные животные, листья, лица, цветы. Тут отец, на грех, не унимается, обещает проклясть, если он не запишется в музыканты.

(продолжение читайте в № 9)

[1] Ротондой в архитектуре называется круглое здание с куполом, а также всякое круглое помещение внутри здания.

[2] Тосканская брасса — примерно полметра.

Золотая солонка работы Челлини.

Елена Куйбышева

ЮНОСТЬ ВАЛЕРИАНА

(Из воспоминаний сестры)

Город, дом и семья

Родился Валериан в Омске и совсем маленьким был привезен в небольшой городок Акмолинской области, Кокчетав.

С одной стороны город Кокчетав обнимает степь, а с другой — высокие со скалами и глубокими ущельями горы. Степь и горы соединяются большим озером Копа.

Отец Валериана, Владимир Яковлевич, был начальником местной воинской команды, а мать, Юлия Николаевна, была директриссой и педагогом казачьей школы.

Если в Кокчетаве спросить первых попавшихся старожилов о семье Куйбышевых, они расскажут о Юлии Николаевне и Владимире Яковлевиче, которые многих в городе вывели в люди. Они учили детей бедняков, приготовляли их в средние школы и отправляли учиться в Петропавловск, изыскивая средства для этого спектаклями и вечерами. В спектаклях участвовали вся семья и школьники.

Ими был организован народный дом, где Юлия Николаевна и Владимир Яковлевич читали лекции в воскресной школе, литературные новинки: Толстого, Горького, Чехова.

Дом, в котором мы жили, был деревянный, одноэтажный, окруженный березами, черемухой и ветлами. Весной дом утопал в цветущей черемухе. В саду было много цветов, которые выращивала мама. Зимой дом заносило высокими сугробами и старые березы торчали как кустики на снежных горах.

Не только богатства, но и среднего достатка в семье не было. Нас было 8 детей. Одежда, обувь всегда переходили по наследству от старшего к младшим. Все это перешивалось, переделывалось по нескольку раз.

Обстановка в доме была самая простая. Поддерживались чистота и акуратность. Мамино рукоделье украшало все углы нашего дома, создавало уют.

Мы никогда не видели маму без работы.

А в зимние вечера рукодельничали все: мальчики выпиливали из дерева, вырезывали из картона, рисовали; девочки вязали, вышивали; самые маленькие делали фигурки из размоченного гороха, скрепляя его спичками. Старшие по очереди читали вслух.

В гостиной стояли пяльцы, на которых вышивались скатерти, для чего выписывался особый, берлинский, гарус разных цветов.

Зимой старшие (Толя, Надя и Воля) уезжали учиться в Омск. Они не приезжали даже на рождественские каникулы: нужно было ехать 280 верст на лошадях по степной снежной местности.

В зимние дни в доме была тишина. Дети рано ложились спать, а отец и мать читали вслух. На огонек

Валериан Владимирович Куйбышев.

приходили соседи, и чтение продолжалось далеко за полночь.

А летом приезжали старшие, привозили с собой товарищей. Дом оглашался веселыми голосами, смехом. Устраивались игры, гулянье по горам, катанье верхом.

Родители никогда не показывали нам, что им трудно содержать нас. Мы не чувствовали нужды. Они умели поддержать наше веселье и никогда не омрачали его.

Все дети были здоровы и жизнерадостны, только Валериан был болезненный, задумчивый мальчик. По слабости здоровья он приезжал на пасхальные каникулы и больше уже не уезжал все лето. Его поили кумысом, заставляли больше спать, гулять.

Валериан—Воля, как звали его в семье,—учился хорошо, и его переводили без экзаменов из класса в класс.

Брат Миша, задорный и шаловливый мальчик, был фантазер. Он как-то рассказал Воле, что слышал, как мама и папа потихоньку говорили о том, что Воля не наш. а что его подобрали у нищих. Сказал и скоро забыл. А Воля стал еще больше уединяться, грустить, плакать по ночам и собирался бежать, разыскивать своих нищих родителей.

А тут еще и знакомые говорили, что Воля непохож ни на кого из семьи. Он был очень худ, некрасив, с большими, удивленными, немного навыкате глазами, с торчащими ушами, с длинной шеей.

Ночью отец услышал, что Воля плачет. Пришел к нему и стал расспрашивать: о чем? Воля долго не говорил. Отец настаивал.

— Зачем вы скрываете от меня, что я не ваш сын?

Долго отец доказывал, что это неправда, что Миша соврал, что он выдумал, как всегда. Позвали Мишу. Миша уверял, что он пошутил, что он не подумал, как это подействует. не хотел обидеть его.

Будучи уже совсем взрослым, Воля говорил, что мишина шутка произвела на него очень большое впечатление и наложила некоторый отпечаток грусти на все детство. Чуть кто дома был несправедлив к нему, он обижался и снова верил, что его не любят, потому что он чужой.

У него была манера сидеть молча, уперев в одну точку свои большие глаза, долго-долго, пока его не окликнут.

Иногда, заложив руки в карманы, ходит, ходит по комнате, остановится перед стеной и стоит в раздумье. Дети смеялись над ним, а мама сердилась за рассеянность.

Его дразнили тем, что он путал слова «ура» и «караул». Часто, когда ему нужно было выразить радость, он торжественно кричал «караул!» и, наоборот, в самые опасные моменты он кричал «ура!»

Позже он мечтал стать Суворовым. Много читал о подвигах этого полководца, находил, что похож на него, любил играть в войну. Подражая Суворову, он спал на досках, сбрасывал матрац, мылся холодной водой, делал гимнастику.

Он старался и в нас воспитать суворовскую храбрость очень интересным методом: он заставлял нас войти в темную комнату и залезть под кровать, причем дверь плотно запиралась. Под кроватью находилась какая-нибудь вещь. Мы ее должны были принести Воле в доказательство того, что были под кроватью.

Дрожали от страха всем телом, но, чтобы не оказаться трусами перед Волей, мы лезли, приносили ему спрятанный предмет. Чем больше просидишь в темной комнате под кроватью, тем более высокую отметку получишь за храбрость.

Во время прогулок по горам Воля всегда придумывал что-нибудь интересное, устроит какую-нибудь страшную игру с приключениями.

Как-то раз он спасал нас от змеи. Мы гуляли в горах. Вдруг на нас выползла змея. Мы в ужасе бросились прочь. Воля храбро двинулся на змею: вероятно, в это время он воображал себя Суворовым, а змею — полчищем врагов. Он наступил ногой змее на хвост и схватил ее. Мы торжествовали, но... крик ужаса, и змея брошена, а «Суворов» держится за ужаленный палец.

Мы перепугались, не знали, что делать: палец чернел и распухал. К счастью, нашелся мальчик, который туго перевязал веревочкой больной палец, чтобы опухоль не шла дальше. Печальные, мы возвращались домой. Наш «Суворов» тоже молчал всю дорогу и только перед самым домом сказал:

— Только маме не говорите, а то она еще скажет, что змея ядовитая.

Боялся, что мама встревожится. Но все обошлось благополучно. Змея была неядовитая.

Играли как-то в крокет. Неподалеку от нас паслись гуси с гусятами. В это время гуси очень злые, особенно гусаки. Шар закатился в самую гущу гусиного стада. Никто не решался идти за ним. Воля, высоко подняв над головой крокетный молоток, ринулся в гусиное стадо.

Гуси, вытянув шеи, щелкая клювами, тянулись со всех сторон к Воле, но он смел и ловок. Шар у него в руках. Все ему аплодируют, а папа смеется: «Ведь он у нас Суворов».

Потом мы, да и старшие дети увлекались игрой в «моды». Из модных журналов вырезывали человеческие фигурки и ими играли. Они у нас совершали кругосветное путешествие; терпели крушения; попадали в снежные заносы; переносили страшные пожары, нищету...

Мы так увлекались, что скоро вместо вырезанных фигурок уже действующими лицами становились сами. Перевертывались столы и стулья, натягивались простыни и скатерти, и мы плыли на корабле по океану. Мы так увлекались, что нам уже все казалось правдой.

Вот Надя осталась на берегу. Она не успела сесть на корабль. Она плачет по-настоящему. Мы все волнуемся, а капитан (Миша) ни за что не хочет послать за ней шлюпку. Мы просим, угрожаем, но капитан неумолим.

У Воли происходит борьба. Он всегда во всех играх был спасителем, и это у него получалось без уговора с кем-нибудь, а по его инициативе.

Вот жалость к Наде победила волины колебания, и он бросается «в волны бушующего океана». Мы суетимся, бросаем спасательные круги, бегаем по палубе, вызывая недовольство капитана.

Вот Надя, утомленная и промокшая, на борту корабля. Мы приводим ее в сознание, растираем руки и ноги. Воля победно смотрит на нас, стряхивает с себя воду, сушится около огня, и мы продолжаем свой путь, выражая благодарность Воле и серьезно сердясь на капитана—Мишу. Плывем до нового приключения, до новой опасности. Мы импровизировали игру без плана, как выйдет. Так же мы устраивали спектакли. Здесь уж затейником был Миша.

Во дворе, под навесом, были сделаны трапеции, кольца, лестница, шесты для гимнастических упражнений: тут устраивались цирковые представления.

К участию в представлении привлекались соседние мальчики, исполнялись очень сложные акробатические номера. Приходила публика—вся кокчетавская интеллигенция.

Часто вся семья уезжала на целый день в горы или в лес с самоваром и провизией. Мы, конечно, опять устраивали игры. Разыскивали заблудившихся путешественников: спускались с каменных скал по веревочной лестнице, перекладывали мосты через пропасти. Опять увлекались, опять игра превращалась в действительность.

Воля очень любил пение и музыку. Он хорошо подбирал все слышанные мотивы на мандолине, но голосом передать не мог ни одного мотива. Он это знал и, когда пели хором, говорил:

— А я буду держать паузу...

Лет в 12—13 Воля уже не производил впечатления болезненного ребенка и не казался уже некрасивым, но его большие серо-голубые глаза попрежнему остались печальными.

Маленький революционер

Валериану было 14 лет, когда он выполнил первое задание партии.

Однажды в местной команде у папы были разбросаны прокламации. Откуда они взялись? Кто посмел? Отгадать было нетрудно. Каждая прокламация была свернута трубочкой и перевязана гарусом. Тем самым гарусом, который был только у мамы, и весь город его знал. Маленький революционер плохо был знаком с конспирацией.

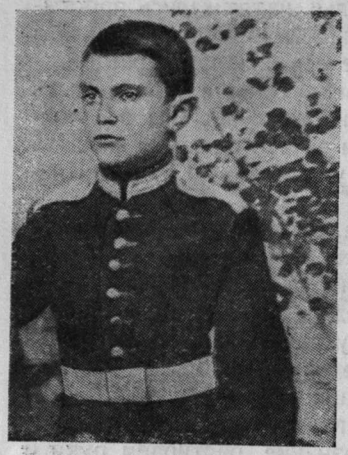
За обедом отец был мрачен и говорил о молокососах, которых надо бить за то, что они портят солдат...

Воля сидел, опустив голову над тарелкой.

— Это ты?—спросил отец, стараясь не смотреть на Волю.

— Да, я,—тихо, но твердо ответил он, избегая папиного взгляда.

Отец шумно отодвинул стул, бросил салфетку и ушел к себе в комнату. Обед прекратился. Никто не



Валериан Куйбышев, когда он был воспитанником кадетского корпуса.

мог есть. Произошло что-то страшное, раз рассердился всегда ласковый, спокойный папа.

Теперь было понятно, почему часто несмотря на непогоду и позднее время мальчики, даже младшие, уходили из дому, нарушая строгий режим мамы.

Я помню, как Воля и Миша стояли в углу в наказание за то, что поздно пришли домой. Оказалось, что Воля под видом игры в «Суворова» устроил в горах, среди скал, крепость для хранения нелегальщины. Его суворовское войско было воспитано в строгой дисциплине, никто никогда не вытал места крепости и не похитил ни единого листка.

Мама была очень религиозна, и мы все каждое воскресенье ходили к обедне. Воля часто отлынивал от обедни, ссылаясь на болезнь, а когда бывал в церкви, мама печально говорила:

— Воля и папа лба не перекрестят...

Приезжая из старших классов кадетского корпуса домой, Воля вел себя как большой, к нам относился с нежностью и лаской, но уже редко устраивал игры. Он читал, уединясь в глухой уголок сада.

К ужасу мамы, Воля беседовал с деньщиками (солдаты, прислуживавшие у нас дома), давал им читать книги.

— Разве тебя в корпусе учат дружить с денщиками? Какой же ты будешь офицер, если тебя не будет слушаться денщик?—говорила мама.

— Денщик—такой же человек, как и я. Почему же не разговаривать с ним?—отвечал Воля.

Я помню бурный разговор мамы с Волей, после того как мама услышала, что Воля говорит денщику «вы».

— Воля балует денщиков,—жаловалась мама отцу.— Разве они понимают это вежливое обращение на «вы»?..

Но Воля продолжал разговаривать с денщиками по-товарищески, здоровался с ними за руку и говорил им «вы» и каждый раз, конечно, вызывал бурю маминого негодования.

Нам казалось, что Воля не любит маму. Мы, девочки, часто обсуждали этот вопрос и страшно боялись: что если это и в самом деле так?

Мама в нашей семье занимала центральное место. Она была значительно строже папы. Мы часто обижались на ее замечания, но уважали и любили ее, и поэтому, когда возникали разногласия между мамой и Волей, мы мучались и за маму и за Волю.

Из кадетского корпуса Воля прислал маме стихотворение, которое убедило нас, что хотя он с мамой и ссорится, но маму любит, и мы успокоились.

«Откуда, ласточки, вы быстро так летите?
Быть может, вы покинули край родины моей?
Ну, что она, ну что же вы молчите?
Скажите же вы мне хоть что-нибудь о ней...
Быть может, вы в долине той летали,
Где хижина стоит на берегу реки,
Где дни мои так быстро протекали,
Где годы детства милого прошли?..
Бывало, всей семьей на берегу сидели
И вместе наслаждалися прекрасным летним днем...
Быть может, ласточки, вы около летали?
Ну, что мой дом?
Скажите же вы мне хоть что-нибудь о нем...
Все так же милая, любимая мной мать
В слезах меня все поджидает?
О, как бы я хотел скорей ее обнять!
О, скоро ли мгновенье то настанет?».

В кадетском корпусе учились почти все дети монархистов. Воля не мог среди них найти себе товарища и в корпусе был очень одинок. В старших классах он уж связан был с революционной организацией.

В 1905 году Валериан написал протест против январских расстрелов и хотел послать питерским рабочим—присоединиться к их протесту. Он услышал, что два кадета высказались вслух против расстрела. Воля предложил им подписаться под протестом. Они подписались. Листок с протестом пошел по рукам кадет. И вот один кадет—махровый монархист—подходит к Воле и требует от него, чтобы он не позорил корпус и разорвал протест. Воля заявил монархисту, что он не откажется от своих слов и рвать протест не будет.

— Тогда мы с тобой поговорим иначе,—пригрозил кадет.

Созвали совещание воспитанников в спальне. Волю туда не пустили, и он одиноко сидел в классе, ожидая приговора. Шумная толпа совещавшихся кадет окружила Валериана и потребовала, чтоб он отказался от протеста и разорвал его.

Воля стоял на своем:

— И не подумаю.

— Бойкот, бойкот! Мы об'являем тебе бойкот!— выли вокруг него монархисты.

Валериан не сдался. Протест со своей одинокой подписью он послал в Питер. У Воли в парте, где хранились учебники, произвели обыск, обнаружили сочинение Энгельса и «Письма» Лаврова.

Бойкот Валериану об'явили, и он стал еще более одинок в корпусе. Но бойкотом дело не кончилось.

Начальство кадетского корпуса, конечно, всполошилось.

Начались новые мытарства, бесконечные об'яснения, допросы. Искали соучастников, единомышленников.

Только то, что Валериан был первым учеником, что его поведение никогда не внушало опасений и не было обнаружено его причастие к партийной организации, и, конечно, ходатайство отца спасли его от исключения из кадетского корпуса, а может быть, и от ареста.

С трудом окончил Валериан кадетский корпус. Ему, связанному уже с партией, было трудно подчиняться корпусной дисциплине. Учился он отлично, но по закону божьему он отказался отвечать, вел споры со священником, за что его хотели выпустить из корпуса без отметки по этому предмету. Это значило никуда не поступить учиться с таким атестатом. Только благодаря тому, что у него были по всем предметам отличные отметки, ему «натянули» по закону божьему переводную отметку.

После окончания корпуса Валериан наотрез отказался идти в военное училище. Опять было много споров с мамой, много маминых слез, увещеваний отца. Но Валериан поставил на своем. Осенью он поехал в Питер и поступил в Военную медицинскую академию. Скоро произошла забастовка в Академии, и Валериан как участник забастовки был исключен.

Он приехал в Омск, где в первый раз был арестован.

Первый арест

Уже в 1906 году Валериан был избран в омский комитет РСДРП.

Из областного центра была получена директива: выбрать делегата на общегородскую конференцию, которая будет выбирать делегатов на всероссийский партийный с'езд (этот с'езд состоялся в 1907 г. в Лондоне).

Когда конференция уже начала работать, вбежал товарищ с криком, что дом оцеплен казаками и полицией и он с трудом прорвался сквозь цепь.

И действительно, через несколько минут, когда совещавшиеся не успели еще уничтожить все улики происходящей конференции, ворвались околоточные и казаки.

— Руки вверх... будем срелять!..

Арестовали 38 человек и под усиленным конвоем полиции и казаков отправили в участок, а оттуда в тюрьму.

Никого не обыскивали и в квартире произвели обыск в их отсутствие. Это говорило о том, что у полиции тревога и спешка...

Среди арестованных были два юриста, старых подпольщика. Один из них выдавал себя за портного. Остальные 36 человек—почти все молодежь. Всех посадили в одну камеру, где они смогли сговориться, как себя держать на допросе и на суде. На допросе и на суде решили отвечать так:

— Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду...

На суде выяснилось, что арестовали их как подготовлявших вооруженную экспроприацию, потому и были привлечены казаки, так как рассчитывали на сильное сопротивление. Тут же, на суде, выяснилось, что при обыске из оружия был найден только... перочинный нож.

Это вызвало гомерический хохот среди арестованных и сдержанные улыбки у судей.

Военный суд отказывался вести это дело, так как подготовка к вооруженному восстанию не была доказана, а полиция настаивала на военном суде.

Один из арестованных юристов стал задавать свидетелям—околоточным—вопросы:

— Куда делись десять рублей, находившиеся в кошельке у одного товарища, и брюки хозяина квартиры, в которой производился обыск?

Полиция возмущена этим вопросом, а суд настаивает на ответе.

Выяснилось, что деньги передавались из рук в руки и... исчезли так же, как и брюки... Опять смех среди арестованных.

Под конец судебного следствия выступил другой арестованный юрист, который выдавал себя за портного. Он оказался необыкновенным оратором. Брат говорил, что такого оратора он больше никогда не слышал. Его партийная кличка была «Марат».

«Марат» в своей речи разоблачил действия полиции, даже высказал подозрение, что все найденное при обыске было подброшено самими же полицейскими, что никто ничем не докажет, что найденное принадлежит арестованным...

Суд удалился на совещание, которое продолжалось почти два часа.

Юристы удивлялись поведению суда, чувствовалось, что между военными судьями и представителями полиции возник конфликт и что суд очень мягко относится к арестованным.

В комнату, где находились арестованные, вошел прокурор и спросил у «Марата», правда ли, что он портной. И был страшно поражен, когда получил утвердительный ответ.

Приговор был совершенно неожиданным: предполагалось минимум четыре года каторги, а вынесли год тюремного заключения.

Валериан, придя в камеру тюрьмы из суда, был страшно огорчен:

— Или свобода или уж каторга, а то вдруг — год тюрьмы...

— Молодость, молодость говорит в тебе!— смеялись юристы.

После тюремного заключения Валериан был выдан на поруки отцу в Каинск.

Отец в это время был воинским начальником.

Валериан нам никогда ничего не рассказывал о своей работе, хотя очень хорошо относился к нам и мог бы сделать нас соучастниками. Родители тоже тщательно скрывали от нас, за что судили Волю, и мы знали только то, что он против царя.

Мать у нас была религиозна, и мы все, ложась спать, молились. Молитвы были шаблонные, теперь мы в свои молитвы уже внесли новую:

— Дай бог, чтобы Воля, Надя и Толя верили в бога и признавали царя!..

Мы думали, что эта молитва спасет Волю и вернет прежнее благополучие семье.

Товарищ Куйбышев в ссылке.

Аресты, тюрьмы и ссылки

В Каинске Воля сейчас же нашел себе много друзей среди политических ссыльных. Они к нам часто приходили: устраивали литературные вечера, читали, пели, спорили. Когда пели революционные песни, мама нервничала, закрывала окна, старалась отослать куда-нибудь денщика.

Мама говорила, что она видела, как мимо нашего дома все время ходил жандарм.

Ей уже стало казаться, что везде и всюду ее преследует жандарм или полицейский, даже в церкви.

И в самом деле, не странно ли: в квартире воинского начальника, почти главы города, подполковника, вдруг в гостях политические ссыльные, да еще поют революционные песни?

Как-то я возвращалась из гимназии, вижу: наш дом оцеплен полицией. Я вошла. Шел обыск. Жандармы ничего не нашли, но Волю арестовали. Искали в амбаре, я пошла за жандармами туда. Рылись в папиных корзинах с книгами. Там же, у самого потолка, на перекладинах, стояли корзины Воли с книгами...

Книги были пыльные, жандармы ворочали, стряхивали пыль, чистились и снова принимались рыться.

Наконец, дело дошло до корзин Воли. Я сказала, что эти корзины не наши, что они принадлежат папиному управлению. Присутствующий здесь папин писарь сказал, что в корзинах архив управления воинского начальника, приготовленный к сожжению. А я прибавила, что он должно быть очень, очень пыльный!

Жандармы ушли. Ночью мы с мамой принялись сжигать книги Воли. Я таскала их в дом, а мама сидела у пылающей печки и мешала кочергой, чтобы скорее горела бумага.

Выбегая за новой пачкой книг, я смотрела на трубу, не летит ли горелая бумага: мама боялась, что шпики поймут, что мы делаем.

На свидании, в тюрьме, хотя шагавший между решотками жандарм мешал нам разговаривать, я все же сумела сказать Воле, что мы с мамой сожгли все книги.

Каково же было мое удивление, когда он не только не обрадовался, а, наоборот, очень огорчился!

— Что вы сделали! Я так долго собирал эти книги! Ведь там был и «Капитал»!

В этот раз Валериан был арестован за нелегальную первомайскую литературу, которую ему прислала революционерка из Киева. На ящике с книгами она написала «для Валериана», а на полотне, в которое был зашит ящик,—адрес подполковника Куйбышева. За ней следили, и ящик не пришел по назначению, а Валериана арестовали.

Помню еще такой случай. Опять Воля жил у нас в Каинске. Опять приходили к нам его друзья. Он много читал и очень грустил. Однажды Воля исчез. Мама нервничает, папа уговаривает ее, хотя чувствуется, что он тоже очень взволнован. В доме что-то ищут. Наконец, из-за картины выпадает бумажка, — волина записка:

«Я не могу больше оставаться в Каинске, не хочу вас подводить, вы за меня ручались перед жандармами, но работа требует, чтобы я уехал из Каинска».

Это не подлинные его слова, я запомнила только смысл записки, которую папа сейчас же увез исправнику.

А Воля был уже в Петербурге под именем Андрея Степановича Соколова. Впоследствии мы узнали, что Воля действовал согласованно с папой.

С большим волнением я часто вспоминаю такой эпизод. Получили телеграмму, что Воля этапом едет через Каинск. Просит встретить.

Мама, Надя и я поехали на станцию. Подошел поезд. Бежим к вагону. В окне, за решоткой, Воля. Он радостно приветствует нас. Ободряет маму. Уговаривает, чтобы она не плакала, что не так уж ему плохо. Конвоир грубо делает Воле замечание, Воля продолжает разговаривать с нами. Поезд трогается, и мы видим в окне искаженное лицо Валериана и шашку конвоира.

Надя в истерике бежит к железнодорожному жандарму, мама еле стоит на ногах, а поезд уже далеко от станции...

— Зачем я приехала, что они теперь с ним сделают?—всю дорогу говорила мама.

Когда Валериан жил дома, он нам ни разу не рассказывал, что его в тюрьме били. Он не хотел, видимо, расстраивать родных. А недавно как-то мы с ним вспоминали этот случай, он рассказал, что его жестоко избил конвоир и надел на него кандалы.

Однажды прихожу домой, застаю маму в слезах. Папа ходит большими шагами по комнате.

— Что случилось? Вы плачете?

— Воля опять наделал делов... — мама безнадежно машет рукой.

«Воля наделал делов» — это значит: Воля опять за решоткой.

— Девочка, ты никому не говори, что у тебя политический брат,—как-то неловко просит отец.

Нам запрещали говорить о Воле новым знакомым, в гимназии. Нам это было очень трудно: мы любили Волю, знали, что он борется за свою хорошую идею, и тайно гордились им.

Из Каинска отец был переведен в Тюмень, где он в том же году умер. Воля приехал, но опоздал на похороны.

В этот свой приезд Воля много говорил об отце. Он с нежностью относился к нему. Тяжело переносил смерть отца.

Валериан рассказал нам такой случай. В Питере он жил по чужому паспорту, снимал комнату на чердаке. Однажды, придя домой, он застал у себя отца. Странно было видеть подполковника с орденами у нелегального человека на чердаке. Воля стал уговаривать отца перейти в гостиницу. Говорил, что это неудобно, что подполковник живет на чердаке.

Отец твердил одно: «Раз ты здесь, здесь и я буду».

Валериан хорошо относился к отцу. Он знал, что отец—честный человек, не ворует, не издевается над солдатами. Он знал, что отец не знает другой работы: так его воспитали. Он знал, что отец туго подвигался в чинах и подвергался репрессиям, потому что у него сын — революционер...

В 1916 году я жила в Тамбове. Ко мне приехал Валериан, бежав со своей женой из якутской ссылки.

При встрече со мной, когда я бросилась к нему, он, целуя меня, тихо сказал:

— Я Адамчик...

В Самаре под фамилией Адамчик он поступил на работу на трубочный завод. Скоро и он и его жена были снова арестованы и приговорены к ссылке в Туруханский край. Воля с другими товарищами, арестованными вместе с ним, пошел этапом в Туруханку, а жена осталась рожать в самарской тюрьме.

Уходя в Туруханский край, Валериан написал стихотворение к друзьям:

«Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала. Улыбка расцветала
И радость бодрая по камере витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.

Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.

И там, вдали, в снегах страны чужой,
Ваш образ милый, бодрый, дорогой
Растопит лед суровой, злой неволи
И воскресит мечту о светлой, гордой доле,
О днях грядущего, наполненных борьбой».

Последний этап

Конвоир, сопровождавший арестованных, попросил Валериана заниматься с ним по математике. Посоветовавшись с товарищами, брат согласился, за что конвоир делал некоторые уступки политическим.

Этап был очень трудный: зима, мороз, метель. Многие обмерзали, заболевали...

Однажды на остановке брат еще не успел отогреться и отдохнуть, как за ним прислал конвоир. Брат отказался идти. Конвоир прислал еще раз. Брат пошел, чтобы выругаться и отказаться заниматься с конвоиром по математике.

По лицу конвоира и по его дрожащим рукам Валериан понял, что тот не заниматься зовет его.

— Вот прочтите, растолкуйте мне и, пожалуйста, никому не говорите.

В руках Валериана телеграмма о свержении царя, о Временном правительстве... Буйная радость! Не верится... Телеграмма переходит от одного товарища к другому... Смех, радостные об'ятия, пение...

Конвоир в испуге: телеграмма попала к нему случайно — надо проверить, а это можно сделать только в селе Казачинском: там волостное правление, а до него три дня ходу.

Товарищи В. Куйбышев, Я. Свердлов, Жилин и др. в нарымской ссылке 1910 г.

— Не губите меня... Я не могу вас отпустить...

Пришлось подчиниться и идти еще три дня под конвоем. Правда, шли уже с другим настроением: шутили, устраивали борьбу, пели революционные песни...

В Казачинском их встретили уже свободные политические ссыльные с красными знаменами и с пением революционных песен.

Оттуда в Самару... К работе в совдепе...

В то время как Валериан шагал в Туруханку, в самарской тюрьме родился его сын Владимир. Если бы не революция, если бы толпа с красными знаменами не открыла двери тюрьмы, и мать и сын погибли бы от заражения крови. Роды проходили без медицинской помощи.

Камера быстро превратилась в больничную палату, и мать и сын были спасены.

Последние годы

Валериан очень любил детей: и своих, и многочисленных племянниц и племянников, и чужих детей. Всегда с ними шумно возился, не мог пропустить мимо себя ни одного ребенка. Дети тоже любили его.

Играя с детьми, Валериан очень оживлялся, и лицо его становилось таким, каким оно было в детстве, во время игр в горах или во время плавания по океану.

Вот его маленькая дочь Галя, подбоченясь одной рукой и махая платком в другой руке, плавно двигается к нему, а он вприсядку идет ей навстречу... Окружающие, хлопая в ладоши, поют: «Ах дуба, дуба, дуба!» У Валериана глаза светятся добротой, лаской, и что-то в них прежнее, детское.

Теперь Галя уже большая, но он часто шалит с ней как с маленькой, затевая беготню и шум...

В выходные дни он играл в шахматы, в волейбол и на бильярде. Валериан всегда и все делал с воодушевлением, с детской непосредственностью, с увлечением.

Во время игры в волейбол он опять напоминал мне детские годы, особенно когда он с площадки уходил победителем:

— Здорово накепали!..— торжествующе говорил он.

У Валериана с детства осталась любовь к овощам. В Кокчетаве не было фруктов, и мы лакомились огурцами, репой, морковью и горохом. На даче в Морозовке, где последнее время жил Валериан, было несколько грядок, на которых сеяли горох.

Приехав на дачу, Валериан говорил:

— Идемте пастись...

Шли к грядкам и «паслись»: ели свежий, зеленый горох.

Валериан набивал горохом все карманы и, сидя за столом, за шахматами, вынимал время от времени горох, ел и угощал присутствующих.

Валериана редко можно было застать без дела. Он всегда работал, даже на дачу в выходные дни он брал с собой туго набитый портфель и садился на несколько часов заниматься.

25 января, после телефонного звонка, я прибежала в Кремль и увидела Волю. Он лежал без дыхания на кушетке, у себя в кабинете.

Он был бледен, но спокоен.

Около него сидела жена Ольга Андреевна, которая была его отличным товарищем. Она не плакала, а только удивленно смотрела на крепко закрытые глаза Валериана и гладила его высокий, большой лоб.

Вопросы и ответы

К нам в редакцию читатели присылают свои вопросы. Редакция будет на них отвечать, справляться у специалистов, у авторитетных ученых. Конечно, отвечать в журнале будем на те вопросы, которыми может интересоваться большинство читателей, а то бывают такие, что только одному человеку и важен ответ.

Кондор.

Что такое эхо?

спрашивает Сеня Фирсов из Астрахани

Всякий знает, что от сильного звука — от выстрела, взрыва—звенят и дребезжат стекла в окнах. Бывает, что и вовсе вылетают. Происходит это от того, что сотрясается воздух и сотрясается так сильно, что приводит в сотрясение (колебание) предметы: окна, стены, деревья. Они в свою очередь не остаются у воздуха в долгу, и, расколебавшись, колеблют воздух сами. Колеблют так, что производят звук. А так как колеблются тем именно способом, каким их расколебали, то и звук получается тот самый, только слабей. И вот он летит, этот звук (т. е. эти колебания воздуха), к нам в ухо и прилетает немного спустя— на дорогу нужно же время — и мы слышим приглушенное повторение звука, который только что потряс воздух.

Бывают ли такие птицы, как например птица Рокк в журнале „Пионер“ № 23—24?

спрашивает Яня Ярославский из Одессы

В «Пионере» № 23—24 были помещены сказки и легенды. Ни птицы Рокк, ни всемогущей щуки, конечно, не было. Но о птице, которая могла бы утащить взрослого человека, люди могли, конечно, пофантазировать. Ведь вот смотри, какие птицы есть. Вот кондор, например,—птица из семейства грифов: длиной эта «птичка» в 1 метр, а крылья в размахе в 2,5 метра. Птица эта мирная, питается падалью, она полезна этой своей санитарной деятельностью. Но есть и хищники почти с кондора: они могут поднять на воздух ягненка—значит, и маленького ребенка.

А таких птиц, что могли бы поднять взрослого человека, нет на свете.

Почему вода не горит, ведь кислород поддерживает горение, а водород горит?

спрашивает Лида Петрученко из Киева

Верно. Водород горит, и кислород поддерживает горение. И вот от этого горения водорода в кислороде получается не дым, а водяной пар. Охлаждаясь, он обращается в воду. Вода и есть продукт горения водорода в кислороде, и при помощи горенья больше к водороду кислорода не присоединишь. Чтобы снова их заставить дать пламя, надо их раз'единить, отделить водород от кислорода. Это, конечно, можно, но на это надо затратить энергию (хотя бы ввиде тепла или электричества). Но тогда это уж будет не вода и не водяной пар: это снова кислород и водород.

ты были военной игрой. Два игрока ставили на шахматное поле две армии и начинали сражение, как бы тренируясь в военном искусстве.

Шахматы у индусов переняли арабы. А когда арабы завоевали Испанию, они завезли их в Европу.

В Европе шахматы долго не подвергались никаким изменениям. Европейцы играли в них так же и по тем же правилам, как когда-то индусы. Игра, вследствие того, что две фигуры: индийский визирь (ферзь) и боевые колесницы (офицеры) — имели очень ограниченные ходы, развивалась очень медленно. Эта восточная медлительность мало соответствовала живому духу испанцев. К тому же европейские войска строились совсем не по образцу индийских войск, так что индийские ходы фигур постепенно утрачивали свой смысл и стали изменяться.

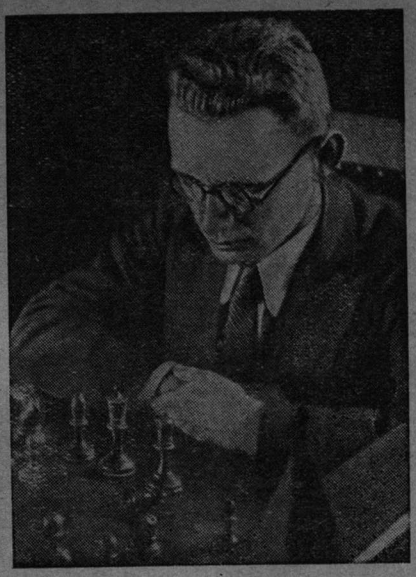
Сначала изменились ходы пешками: был введен двойной первый ход пехотинца (пешки); затем боевые колесницы (офицеры) стали ходить по всей диагонали, и, наконец, в эпоху рыцарства, индийский визирь (ферзь) был переименован в королеву, и королева, как дама, которой поклонялся сам король, стала ходить по всем диагоналям и по всем горизонталям. Тогда же была введена и рокировка.

Таким образом, уже четыреста лет назад в шахматной игре установились все те ходы и все те правила, какие мы знаем сейчас. С давних времен существовала большая литература о шахматной игре. До сих пор сохранились рукописи арабских и испанских шахматистов IX и X веков с описаниями правил игры, дебютов (начала игры), остроумных комбинаций и задач. В XV веке, с изобретением книгопечатания, книг о шахматах появляется все больше и больше; особенно много их издавали в Испании.

Кто же играл тогда в шахматы? Конечно, те люди, у которых был досуг. Играли главным образом богатые, обеспеченные люди: князья, графы, монахи, кардиналы, ученые, музыканты церковных капелл, богатые купцы и т. д. Иногда и в среде бедняков появлялись замечательные шахматисты, и их тотчас же брали себе в слуги князья и графы. Слуги-шахматисты должны были играть с господином, развлекать его и гостей, и, конечно, так, чтобы не навлечь на себя гнев своего господина.

В шахматы играли тогда для забавы, для развлечения и отдыха. И турниров не устраивали.

И только в XVIII веке впервые начинают устраивать шахматные



Чемпион СССР т. Ботвинник.

Гросмейстер Флор.

Доктор Эммануил Ласкер.

турниры и впервые появляются профессиональные шахматисты. Первым таким профессионалом был знаменитый французский шахматист Франсуа-Андре Филидор. Десятилетним мальчиком он поступил в королевскую капеллу в Версале и получил звание пажа королевской музыки. Здесь он обучался теории музыки, композиции и пел в хоре. Музыканты капеллы в ожидании репетиций или мессы часто собирались в особой комнате и играли в шахматы. Филидор внимательно следил за их игрой. Однажды один музыкант пришел на репетицию раньше других. Ему не с кем было играть, и он начал ворчать. Десятилетний Филидор предложил ему сыграть с ним партию. Музыкант расхохотался, но ради шутки сел играть. Однако шутки пришлось отложить всторону, потому что противник оказался очень сильным. Через несколько ходов Филидор закричал: «Шах и мат!», бросился за дверь и скрылся так быстро, что раздраженный противник не успел ему дать подзатыльник.

В 18 лет Филидор не имел себе равных по игре в шахматы во всем Париже. К этому времени он уже ушел из капеллы и занимался исключительно шахматной игрой. Его приглашали в Германию, Англию, Голландию. Он ездил по городам, играя на пари, выигрывал много денег. Через девять лет, победив известных в то время шахматистов, Филидор снова занялся музыкой, написал несколько опер, а для денег попрежнему играл в шахматы. И в равной мере был знаменит как шахматист и как композитор.

По примеру Филидора уже многие шахматисты Англии, Германии и Франции стали профессиональными игроками.

Первый международный шахматный турнир состоялся в Лондоне в 1851 г., где впервые звание чемпиона мира получил Адольф Андерсен. С этого времени весь образованный мир начинает интересоваться шахматным первенством, имена чемпионов становятся общеизвестными и каждая страна старается выдвинуть своего конкурента на мировое первенство. Так было на Западе.

В России же шахматы появились много позже. Думают, что их занесли к нам татары лет пятьсот назад. Шахматная игра очень долго не проникает в народ, ею забавляются русские цари и бояре. Играть в шахматы «смердам» не полагается. Мужикам—рюхи, бабам—горелки, а шахматы—для бар, для

(Продолжение на 4-й стр. обложки)

Цена 60 коп.

М2750

благородных господ. Бояре и высшие сановники играли в шахматы еще при дворе Ивана Грозного. Сам царь Иван был очень «охоч» до шахмат. Он и умер за шахматной партией, не доиграв ее до конца.

При царских дворах были специалисты-«шахматники», которые чинили старые и изготовляли новые шахматы.

Таким образом в шахматную игру не были втянуты широкие слои населения, и появиться выдающимся шахматистам в таком узком кругу вероятий было мало. И только когда шахматы проникли в чиновничью среду, когда они перестали быть игрой одних только царских придворных, стали появляться и в России шахматисты, равные по силе европейским игрокам. И вот в конце прошлого века стало известно имя гениального шахматиста, мелкого чиновника Чигорина.

Чигорин оставил после себя свою манеру игры, основанную на комбинациях, на остроумных и неожиданных положениях. Целые поколения шахматистов учились на его партиях.

Русские шахматисты начинают занимать первые места на международных турнирах.

После революции в Советском союзе, в годы гражданской войны и разрухи, шахматная игра совершенно заглохла: не до игры было. Только в 1922 г. организовался Всероссийский шахматный союз. А в 1924 г. при Высшем совете физической культуры была организована Всесоюзная шахматная секция под председательством Н. В. Крыленко. С этого момента шахматное движение в СССР развивается гигантскими шагами. Организуется огромное количество шахматных кружков, клубов и т. д. В шахматы играют в вузах, в школах, в заводских клубах, в колхозах, играют бородатые бригадиры и десятилетние школьники.

Такое распространение шахматной игры у нас, в Союзе, какого никогда не бывало на Западе, сразу же дало себя знать. Западные гросмейстеры получили у нас, в Союзе, неожиданные для них результаты на сеансах одновременной игры. Нигде им не приходилось выигрывать так мало партий у рядовых игроков, как у нас в Москве.

14 марта в Москве закончился II международный шахматный турнир.

Результаты турнира блестяще доказали, что советские шахматисты не уступают шахматистам других стран.

В турнире принимали участие сильнейшие шахматисты мира: Эм. Ласкер, Капабланка (остров Куба), Флор (Чехословакия), Шпильман (Австрия), Лилиенталь (Венгрия), Штальберг (Швеция), Пирц (Югославия) и чемпионесса мира Вера Менчик (Англия).

От СССР в турнире участвовали: чемпион СССР — комсомолец М. Ботвинник, чемпион Москвы Н. Рюмин, Левенфиш, Романовский, Чеховер, Рагозин, Алаторцев, Рабинович, Лисицын (Ленинград), Кан (Москва), Гоглидзе (Тифлис) и Богатырчук (Киев).

Из 12 советских участников только Левенфиш, Романовский, Рабинович и Богатырчук имеют дореволюционный шахматный стаж, все же остальные—молодые мастера, которые научились играть в шахматы только несколько лет назад. Уже первые туры показали, что советские мастера будут упорно бороться за первые места. Интересно, что советские мастера не являются профессиональными шахматистами, а в большинстве работают по разным специальностям. Все же иностранные шахматисты — профессионалы. Несмотря на это М. Ботвинник опередил таких шахматистов, как Ласкер, Капабланка, Шпильман и другие, и занял первое место вместе с чехословацким гросмейстером С. Флором.

В числе первых 10 призеров оказались 5 советских мастеров.

Это блестяще доказывает огромный рост советских шахматистов.

Этой статьей мы открываем постоянный шахматный отдел под редакцией шахматиста I категории С. М. ШПРЕХЕРА и просим наших читателей присылать нам в редакцию свои партии, задачи и т. д.

На обложке нарисована шахматная доска. На ней стоят фигуры в таком положении: белые: король—b3, конь—a8 и c7, слон—f4; черные: король—a5, слон—e3. Ход белых. Как выиграть белыми?

В дни шахматного турнира

Всесемейный сеанс одновременной игры

Рисунок К. Ротова (журнал „Крокодил")

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП (б) „Правда"
Сдано в набор 2/III—35 г. подписано к печати 11/IV—35 г. Изд. № 364. Формат 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135 009 п. зн. в бум. л.
Уполномоченный Главлита № Б—4339 Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 8 Зак. № 544. Тираж 50400.